Бунтарь. За вольную волю!

Автор:
Юрий Корчевский

Бунтарь. За вольную волю!

Юрий Григорьевич Корчевский

Героическая фантастика

Новый роман от прославленного мастера жанра! «Драйв, свобода, рок-н-ролл!» – вот девиз Михаила Засекина, поклонника русского рока из Санкт-Петербурга, бунтаря и забияки.

Какую сторону он выберет, угодив в XVII век, в самое начало Смутного времени? С радостью примкнет к крестьянскому войску Ивана Болотникова! Ведь когда еще представится случай безнаказанно побузить, расшатывая устои государства. С повстанцами, бьющимися за «вольную волю», Михаил пройдет сотни верст по Московии, испытает радость побед и горечь поражений.

И только когда в страну придут интервенты-поляки, желая посадить на русский трон королевича Владислава, Михаил поймет, что Родина у него одна и государство – это в первую очередь простые люди, а не правители. Под командованием Дмитрия Пожарского русский воин Засекин выступает в свой новый поход.

Юрий Корчевский

Бунтарь. За вольную волю!

© Корчевский Ю. Г., 2018

© ООО «Издательство «Яуза», 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

РОК-МУЗЫКАНТ

К рок-музыке Михаил приобщился с восьмого класса. Слушал скверного качества магнитофонные записи вместе с друзьями. Какие группы были – «Кино» с Виктором Цоем! Одна «Группа крови на рукаве…» чего стоила. А «Машина времени» с Андреем Макаревичем, «Аквариум» с Борисом Гребенщиковым, «ДДТ» с Юрием Шевчуком, а больше всего нравилась «Ария» с Валерием Кипеловым. После девятого класса поехал из родной Тулы в Санкт-Петербург, в техникум геодезии и картографии поступил. После промышленной Тулы, где жил в старинной оружейной слободке, где все улицы имели оружейные названия – Курковая, Ствольная, Замковая, город на Неве восхитил. И не столько дворцами и храмами, к ним равнодушен был, сколько воздухом вольным. Во многих домах культуры концерты рок-групп проходили. Днём в техникуме учился, по вечерам, а то и по ночам подрабатывал, на жизнь и билеты на концерты деньги нужны. Тяжко приходилось порой, приходилось делать нелёгкий выбор – пару дней сытой жизни или билет на концерт. Завсегдатаем стал, знакомые среди фанатов появились. На концертах – бунтарский дух, протест против существующих порядков, для людей молодых куда как привлекательно.

После окончания техникума определиться не успел, как попал в армию. Специальность у Михаила редкая, попал в железнодорожные войска. Форму надел, из автомата несколько раз выстрелил, а после курса молодого бойца присяга и в тайгу, строить железную дорогу. Да не гражданскую, для подвижных ракетных комплексов. С одной стороны, повезло, на гражданку с опытом вернулся. И не в Тулу, а в Питер.

Соскучился в армии по року. Устроился геодезистом на землеустроительные работы, через старых знакомых фанатов стал в Дом культуры на репетиции одной современной рок-группы захаживать, с музыкантами близко

познакомился. Парни простые оказались, общительные. Однажды барабанщик загрипповал, репетиция срывалась. Михаил наглости набрался, попробовал за барабаны сесть. Музыкального образования не было, но слух и чувство ритма имел. Сначала ошибался, но к концу репетиции удостоился одобрительного похлопывания по плечу.

– Если попрактиковаться, толк из тебя будет, – сказал бас-гитарист.

После репетиций парни винцом баловались. Михаил слышал, что и травку курили, но при нём не было. На радостях в близлежащий магазин сбегал, вина принёс, про закуску забыл. К музыкантам и их славе девушки липли как мухи на мёд. Кто-то вино ещё принёс. Шутки, обнимашки, женское повизгивание. Михаил после работы, не ел ещё, от выпитого поплыл. Ни в техникуме алкоголь не употреблял, не на что покупать было, ни в армии, командиры строгие были. А как работать устроился, едва не половина зарплаты на съёмное жильё уходила. Да и работой дорожил, учуют запашок после вчерашнего – и прощай.

Поплыл, ноги подкашиваются, голова кругом идёт. Забрался за кулисы, нашёл местечко укромное, прилёг. Одна мысль мелькнула. Хорошо, что пятница, завтра на работу не идти. И отключился. Похоже, последний стаканчик лишним был.

В себя приходил тяжело, голова не своя, да и шум какой-то вокруг. Веки размежил – светло вокруг. Вот же незадача, всю ночь проспал. Тело от неудобной позы затекло, встал с трудом. Во рту сухо, водички бы испить. Огляделся вокруг. Да не за кулисами Дома культуры он, а на улице, рядом с забором. Дожился! Пьянь подзаборная! Начал себя последними словами ругать. По мере того как в себя приходил, стал странности замечать. Мужики вокруг в одежде старинной. Кто попроще одет – рубаха, порты, на ногах сапоги. А один прошествовал в зелёном длинном пиджаке… э… да не пиджак это, скорее камзол, каким его на картине Михаил видел. А что более всего смутило – с оружием людишки-то. У кого за поясом топор, у кого сабля на ремне, а потом двое прошествовали, обличьем и кафтанами стрельцы, на плечах бердыши несут. Михаил глаза протёр, головой тряхнул. Не белочка ли его посетила? Но не запойный пьяница он. И стражники не исчезли. Вдоль улицы двое конных проскакали и тоже при оружии. Война началась? Но не на саблях же драться будут. Михаил одного мужика за руку поймал.

– Скажи, любезный, где я?

– Ох, и разит от тебя! Пить меньше надо! Под Рязанью ты, десять вёрст от города.

Мужик хихикнул, дальше побежал. Рязань? Да как он сюда попал? От Питера до Рязани тысяча километров, а он не помнил, чтобы на поезде ехал или самолётом летел. Нет, всё, больше спиртного ни капли! Теперь надо думать, как к понедельнику в Питер успеть, иначе – прогул с последующими выводами. Увидел колодец, направился к нему, пить хотелось сильно. Опередив его, к колодцу мужик подошёл. К ведру с водой присосался. Михаил дождался, пока человек напьётся, спросил:

– Правда Рязань рядом?

– Истинная правда! А ты чьих будешь?

Михаил не ответил, к ведру припал. Стало быть, он в самом деле под Рязанью. Пошарил по карманам, обнаружил только мелочь. На метро хватит, но какое в Рязани метро.

Мужики зашумели, побежали в одну сторону. И Михаил за ними. Один из них бросил на ходу:

– Сам Иван Исаевич будет.

– Это кто такой? – спросил Михаил.

– Да Болотников же!

Михаил ещё со школы знал одного Болотникова – предводителя восстания в начале семнадцатого века. Семнадцатого, блин! Это когда было? Четыре века назад. Мужика он догнал, за рукав дёрнул.

– Не гневайся, подскажи. Какой год сейчас?

– Семь тысяч сто четырнадцатый.

– Ого!

Только несколькими минутами позже сообразил – летоисчисление от сотворения мира, а не от Рождества Христова. Выходит, не галлюцинации у него, на самом деле попал в передрягу. Временная петля, сбой во времени? Да какая разница? Он в другом времени, и время это интересное, более чем. В школе восстание Болотникова проходили как-то быстро, вскользь, мельком. А теперь самому можно поучаствовать. Начал припоминать, а в голове знания скудные, отрывочные. Только три момента и вспомнил. Что Болотников – холоп князя Телятевского, что возглавил Иван Исаевич крестьянское восстание и что в итоге царские войска бунт подавили, а Болотникова казнили.

Не всё из школьного учебника соответствовало истине. На самом деле Болотников холопом не был никогда, а был служилым дворянином у князя Телятевского, прозванного в народе Хрипуном за сиплый голос. На какое-то время пропал со службы и объявился в Северских землях, да ещё с фальшивой грамотой, что он послан в Камаринскую волость, как официально именовались Северские земли, самим царевичем Дмитрием. На самом деле царевич был убит в Угличе в детском возрасте, а Лжедмитрием был беглый монах Гришка Отрепьев.

Василий Иванович Шуйский, князь и боярин при Борисе Годунове, боролся против Лжедмитрия, но после смерти Бориса переметнулся на службу к самозванцу. Отрепьев принялся ущемлять права бояр, освободил простой люд от налогов. Шуйский и бояре почувствовали угрозу для себя, организовали заговор и со второй попытки Отрепьева убили. Тело Лжедмитрия бросили на Ивановской площади, для обозрения москвичам. Поскольку лицо Самозванца было изуродовано, его прикрыли маской скомороха, совершив ошибку. Народ толпами валил смотреть на труп, а убедиться, что убит именно Лжедмитрий, не смогли. По Москве, а затем по губерниям поползли слухи, что царевич Дмитрий жив, успел сбежать. Фактически бояре сами подготовили почву для появления второго Лжедмитрия – Гаврилы Верёвкина и вновь с помощью поляков.

Уже через день после смерти Лжедмитрия Первого срочно был собран Земский собор. Ввиду срочности прибыть на него смогли только москвичи, подкупленные людишки выкрикнули на царство Шуйского. Однако многие города и губернии такой выбор не поддержали, поскольку сочли голосование неправомочным из-за малочисленности. Царю повиновались только Москва и несколько уездов московской губернии. Смутное время набирало обороты, угроза распада государства российского становилась реальной. Конечно, Михаил таких тонкостей всей подковёрной борьбы не знал. Побежал вместе с мужиками

слушать Болотникова.

Предводитель восстания стоял на высоком крыльце, произносил речь. Михаил посмотрел, послушал. Несколько минут хватило, чтобы понять – врут школьные учебники про холопа. Лицо у Болотникова умное, говорит, как трибун, речь складная, пламенная, способная увлечь. Холоп на такое не способен.

Центром волнений сначала послужил Путивль в Северских землях, потом к движению примкнули стрельцы и казаки. К Болотникову присоединились отряды во главе с дворянами – Ляпуновым, Истомой Пашковым, Андреем Телятевским, даже князем Г. Шаховским. Казаками верховодил Илейко Муромец. Войско собралось огромное, до 30 тысяч, и имело артиллерию, у стрельцов пищали и ручницы, у крестьян и простого люда холодное и дробящее оружие, вроде кистеней, палиц да чеканов.

Болотников называл себя воеводой Дмитрия-царевича, рассылал прелестные письма (воззвания) к людям московским, призывая свергнуть Шуйского и посадить на трон царя истинного, продолжателя рода Рюриковичей. А покамест не идти в ополчение против войска Болотникова.

Сейчас слушали Ивана Исаевича люди простые, судя по одеждам – крестьяне, холопы, ремесленники. И слышали от воеводы Дмитрия то, что хотели, о чём мечтали. Освобождение от налогов, возможность перейти в Юрьев день от одного хозяина к другому, даже о даровании от Дмитрия за заслуги своей земли. А ещё возможность отомстить притеснителям, обидчикам.

«Берите их рухлядь, гоните взашей! А сопротивляться будут, живота лишайте», – взывал Болотников.

Холопам эти слова – как бальзам на душу. И заповеди Христовы враз забыты. У каждого человека внутри тёмная, злобная сущность есть. До поры до времени под спудом законов государства она, под установленным миропорядком, а ещё церковь внушает десять заповедей – не убий, не укради, не прелюбодействуй. А Болотников от имени царевича говорит: можно! Иди, убей, ограбь, жену снасильничай, лишь бы царевич на трон сел, он все грехи отпустит.

И Михаил под очарование велеречивых слов Болотникова попал. Прост с виду предводитель, незаносчив, слова простые и понятные говорит да убедительно.

Да ещё какую-то струнку в душе Михаила задел. Рок-музыканты бунтари в душе, а здесь и сейчас в этом бунте поучаствовать самому можно. Да здравствует бунт! За справедливость! Забыл слова – русский бунт, он бессмысленный и беспощадный. Вроде и не подросток уже, а возможность побунтовать увлекла.

– Я пойду, прими в войско! – закричал мужик по соседству.

– И я! Меня возьмите, – закричал второй.

– Всех, кто хочет помочь делу праведному, благому, всех в войско возьму, – поднял руки Болотников. Кто грамоте разумеет – поднимите руки.

Поднялись две руки, помедлив, Михаил тоже поднял.

– Кто грамотен, подойдите.

Михаил через толпу вперёд пробился. Болотников их попросил на крыльцо подняться.

– Сейчас они списки составят и впредь будут вашими десятниками. Все их указания исполнять, как мои. Войско – оно дисциплины требует, иначе мы – сброд!

Так, неожиданно для себя, Михаил стал маленьким начальником. Но вывод сделал – впредь не высовываться без нужды. Толпа народа разделилась на три части, к каждому из писарчуков. Гусиным пером и жидкими чернилами Михаил не писал никогда, с непривычки получалось неряшливо, даже две кляксы поставил. Это не шариковой или гелиевой ручкой писать. Однако и у двух других грамотеев получилось не лучше.

Пока писали, Болотников ушёл, а вернулся со стрелецким полковником. Всё по форме – колпак, кафтан, рубаха, сапоги. Сбоку на ремне сабля, за поясом пистолет внушительных размеров.

– Сейчас Онуфрий, Григорьев сын оружие раздаст согласно спискам.

На небольшую площадку въехали три лошади, тянущие подводы с боевым оружием.

– Первый десяток! Подходи! – громогласно крикнул стрелецкий полковник.

А по спискам у каждого грамотея не десяток получился, а три. Мужиков-то, охочих до участия в бунте, много, а грамотных трое оказалось. Но полковник внимания не обратил. Каждого подходившего спрашивал:

– Чем владеешь?

Сообразно ответам оружие выдавал. Боевое железо, видавшее виды, видимо, трофейное, из арсеналов. Потёртое, со следами зазубрин на лезвиях, но без следов ржавчины. Видимо, в арсенале за оружием следили. Да и то, кто будет выдавать холопу или крестьянину новое оружие, если он им толком пользоваться не умеет. Сабля отечественная стоила новая шестьдесят копеек, сумма немалая. Шведская или дамасская от трёх до двенадцати рублей, деньги для простого люда заоблачные. На три рубля можно деревню купить, с землёй, холопами и скотиной. Люди простого звания брали и оружие попроще – топоры, кистени, железные палицы. Взяв в руки оружие, принимались им размахивать. Стрелецкий полковник с неодобрением заметил:

– Как бы не покалечили или не поубивали друг друга!

Помогавший ему стрелец махнул рукой.

– Один сдуру отрубит себе что-нибудь, другие враз поумнеют.

Михаил получал оружие последним. Что брать, если не владел ничем, кроме «калашникова»?

– Ручница есть? – спросил он.

– А совладаешь?

– Опыт есть, – соврал Михаил.

– Тогда бери и берендейку.

Стрелец глянул на Михаила с уважением. Обращаться с огнестрельным оружием многие не умели, а от звука выстрела закрывали глаза и уши. Что такое берендейка, Михаил не знал. Оказалось, наплечная сумка, где хранился порох, пыжи, пули. Получив ручницу, кремневый пистолет, сунул его за пояс. Ни кобуры, ни сумки для его хранения не полагалось. Сразу сообразив, что скорострельности ему не видать, Михаил попросил кинжал.

– Может, саблю?

– В ногах путаться будет.

Нашёлся кинжал. Ножны простые, деревянные, кожей обтянуты. Зато клинок хорошей стали, а рукоять простая. Не для парадов кинжал, для боя. Михаил в сторону отошёл, начал ручницу в руках вертеть. Тяжела, да и калибр изрядный. Ох, зря на такое оружие напросился. Патронов нет, дульнозарядное, сколько пороха засыпать, да что вначале? Кремневый замок приготовить или порох с пулей в ствол? Это сейчас литературные пособия, Интернет, где мусора много. Но пересилил гордыню, к стрельцу подошёл.

– Подскажи, братец, какова мерка? Из пищали стрелял, правда, давно. Как бы с зарядом пороха не переборщить, а то ствол разорвёт.

– Вопрос правильный. Смотри и запоминай. В берендейке мерка есть. Ею порох отмеришь. Засыпал в ствол, сверху пыж и прибей. Шомпол-то под стволом. – Стрелец говорил и показывал. – Потом пулю, а сверху ещё пыж, не то ручницу наклонишь, а она выкатится. Опосля курок взведи, маленькую щепотку пороха на полку подсыпь, крышечкой прикрой. В дождь не заряжай, порох подмокнет, подведёт. А уж затем пали по команде.

Стрелец ручницу поднял, спуск нажал. Оглушительно бабахнуло, дымом чёрным затянуло. Мужики от неожиданности ахнули, зашумели.

– Тихо! Привыкайте! У ворога нашего, войска московского, не только пищали имеются, а и пушки. Во много раз сильнее грохочут.

Один из селян спросил:

– Громом убивают?

– Эх ты, лапотник! Из пушки дроб каменный летит, або ядро. Как грохот услышал, быстро прячься, скажем – за дерево, уцелеешь тогда.

– Страсти-то какие! – перекрестился мужик.

Похоже, селянин пожалел, что записался в ополчение. Но Болотников опытен был, хитёр. На площадь вынесли два дымящихся котла.

– Подходи, налетай! Шулюм и каша, дабы порты не спадали.

Засуетились мужики. Ложки, у кого деревянные, у кого оловянные, почти у всех есть. С мисками, плошками плохо. Если вокруг малого котла в кружок сесть, можно и по очереди хлебать, то с большим так не получится. Но и миски принесли. Радости не было предела. Сначала шулюм бараний похлебали, пока не остыл, потом за гречневую кашу, сдобренную конопляным маслом, принялись. Тишина, только чавкание раздаётся.

Мясо ели редко, не каждую неделю, а то и месяц. Поэтому сытное мясное угощение склонило чашу весов колеблющихся на сторону Болотникова. Над новобранцами поставили сотника, и теперь десятники подчинялись ему. Сотник Твердила Фомин ещё вчера был десятником в стрелецком полку, внезапному возвышению был рад до чрезвычайности. Для начала познакомился с десятниками. К Михаилу сразу вопросы:

– Ты Засекиным кем приходишься?

Кто такие Засекины, Михаил не знал, но на голубом глазу ответил:

– Дальние родственники.

– То-то я смотрю – грамотный, одёжа нехолопская.

Немного позже Михаил узнал, что братья Засекины – князья, и сразу прикусил язык. Однофамилец просто. А вот одежду следует сменить, отличается он от всех – джинсы, футболка, кроссовки. Обычный прикид молодого горожанина.

– На сегодня велено отдыхать, утром выступаем.

Михаил не стал интересоваться куда. В любой армии подчинённые вопросов начальству не задают, приказы исполняют. Утром, после молитвы, кулеш, и войско выступило в поход. Впереди казаки конно, за ними стрельцы. У части стрельцов бердыши и сабли, у большей половины – пищали на плечах. За стрельцами ополчение нестройной колонной, а уж за ними обоз. Обоз на полверсты растянулся – провизия, взятое на меч барахло, женщины. А ещё в обозе несколько пушек на подводах. Пушки по обыкновению тех лет не на колёсном ходу, на деревянной станине, на подводах. Там же бочонки с порохом, ядра. Артиллерию пушкари сопровождают. Стрельцы и пушки – главная ударная сила войска Болотникова. Стрельцы обучены, командиры опытны, Болотников на них надеялся, и надежды эти в дальнейшем оправдались.

Насколько понял Михаил, войско двигалось на север, к Москве. И Лжедмитрий, и Шуйский, и Болотников понимали – в чьих руках Москва, тот правит царством Московским. Велико царство, изрядно в нём богатств, а порядка нет, одно слово – Смута.

Шли до полудня. Потом впереди шум, крики. Оказалось, вошли в село. Селяне под руководством поместных дворян оказали сопротивление. Казаки конные быстро расправились с селянами, кинулись грабить зажиточные избы. Воинство Болотникова жалованье не получало, жили грабежами. Особенно преуспели в этом казаки. Шли в авангарде, в населённые пункты врывались первыми, и наиболее ценные трофеи доставались им. У каждого казака перемётные сумы полны добром – ткани, одежда, а в кошелях не только медяки, но и серебришко позвякивает, услаждая слух. Стрельцы недовольны, казаки лишь посмеиваются. А распря и раздор в любом войске – это плохо. Ополченцы вошли в село последними. Ещё на околице Михаил увидел нескольких убитых казаками селян. Зрелище отвратительное – кровь, обезглавленные трупы. С непривычки Михаила затошнило, отвернулся. Ополченцы, войдя в село, кинулись по избам. А дворы-то уже обысканы-ограблены казаками и стрельцами. Ополченцам сущая мелочь досталась – поношенная одежда, ложки да миски. Всё забрали, подчистую. В селе небольшой привал, войску хлеб раздали, копчёную рыбу. Видимо, стрельцы высказали своё неудовольствие казакам, потому что после привала направились

уже по разным дорогам.

Михаил в селе в избы даже не заходил, грабить было ниже его достоинства. Пока он чувствовал себя в войске чужаком. Знакомых нет, говор другой, привычки. Как будто в другой, незнакомый мир попал. Впрочем, так оно и было. И посоветоваться не с кем, грубый вокруг народ. Все желания – пузо набить и награбить чужого добра.

К исходу дня Михаил устал от долгого перехода, в городе-то всё больше на метро и трамвае. Но из ополченцев никто не роптал, видимо, привычные были. Спать пришлось в лесу. Холопы бывшие, люди в житейских делах опытные, под телеги улеглись, а Михаил под тополем. Утром роса выпала, под телегами сухо, а Михаил в футболке влажной, да ещё замёрз. Средняя полоса в России – это не Сочи. Михаил парень глазастый, сметливый. Глядя на мужиков, быстро опыт перенимал и на следующую ночь сам под телегой устроился.

Не хотелось мародёрствовать, а пришлось. В футболке только днём, когда солнце светит, хорошо, а под утро и под телегой мёрз. В одном из сёл, в зажиточной избе, рубаху себе присмотрел да кафтан. Хозяина, бившегося до последнего у ворот, холопы вилами закололи, у калитки и оставили, в избу ворвались. Михаил здраво рассудил – хозяину одежда уже ни к чему, если Михаил себе не возьмёт, холопы растащат. По праву десятника он мог выбирать себе трофеи первым. Это если после стрельцов что-нибудь оставалось. Служивые люди не дураки, сами в первую очередь к богатым избам бежали. Опознать такие просто – изба зачастую пятистенка, а то и в два этажа, и крыша не вязанками соломы крыта, а деревянной черепицей. Сёла и деревни грабили не все, если жители присягали на верность Болотникову, не трогали, но брали ополченцев. Михаил понял – предводителю число потребно, пушечное мясо, дабы Москву количеством устрашить.

Холопы, обыскав хозяйские подвалы, вытащили бочонок пива и бочонок вина, тут же выбили дно. Черпали мисками, даже пили, опустив лицо в вино. Михаил не участвовал, помнил, к чему привела выпивка – к тому, что оказался здесь. Холопы с дармовой пьянки одурели, стали скандалить, принялись драться. Одному нос до крови расквасили, другому выбили зубы, третьему выдрали бороду. Михаил пытался драку остановить, но, получив пару увесистых ударов и угрозу получить нож в бок, бесполезное занятие оставил. Вседозволенность и выпивка превратила бунтовщиков в скотов. Зачали беспричинно бить селян, потом двое схватили девочку-подростка, разорвали на ней сарафан.

Ополоумели! Мало того что многих селянок уже снасильничали, так до детей добрались. Не армия, а банда. Этого Михаил стерпеть уже не мог, подбежал, ударил одного холопа в глаз. Второй взревел, выхватил саблю из ножен. Тут уже о собственной жизни беспокоиться надо. Михаил шаг назад сделал, пистолет из-за пояса выхватил, курок взвёл.

– Остынь, охолонись! – приказал холопу.

– Да ты кто такой?!

Глаза у холопа кровью налились, прёт на Михаила. А вокруг уже толпа, взгорячённая вином и пивом, собралась, как же, бесплатный спектакль, развлечение! Выстрел прозвучал как гром среди ясного неба. От тяжёлой пули в упор голову холопа разнесло, как гнилой арбуз. Рухнул в пыль. Мгновенно тишина наступила. Михаил девочке:

– Ступай к мамке. Если обижать кто будет, зови меня.

Девочка разодранный сарафан обеими руками схватила, наготу прикрывая. Толпа вокруг, как выйти?

– Дорогу освободите! – приказал Михаил.

За эти несколько минут противостояния он как-то повзрослел, жёстче стал. Убил первого человека в жизни, да не врага, воина из войска Шуйского, а своего же товарища. Хотя какой холоп ему товарищ? Гнида! И не в происхождении дело, он тоже не голубой крови, а в мерзком поведении. Холопы расступились, образовав коридор. Девочка сначала медленно шла, не веря в своё спасение, потом побежала. Толпа стояла угрюмо. Первая потеря в десятке, и от кого? От рук десятника. Михаил о сделанном не пожалел.

– Все крещёные? А почто заповеди Христовы не чтите? Девочку, ребёнка обидеть – это по-людски? С каждым так же поступлю. Семьи-то у всех есть, представьте на месте этой девочки свою дочь! А, каково? Впредь наказывать буду подобные проступки смертью. Разойдись!

И неожиданно хлопки. Повернулся Михаил. Позади холопов стрелецкий сотник, в ладоши хлопает. Толпа сразу расходиться стала. Сотник же подошёл, похлопал одобрительно по плечу.

– Правильно сделал. Несколько случаев такого безобразия – и слухи по всей земле нехорошие пойдут. В войско Ивана Исаевича записываться не будут. Мы же правду и справедливость народу несём, а не обиды чиним. Держи своих в строгости, и я тебе в этом первый помощник.

– Спасибо за поддержку.

– Пустое, одно дело делаем. И ещё вот что: возьми в обозе ещё один пистоль. Вот выстрелил ты – и безоружен оказался. А если бы кинулись на тебя? На мелкие кусочки порубили бы. Пьяная ватага – как стадо баранов.

– Так и сделаю.

Михаил, не откладывая, в обозе ещё пистоль подобрал, сразу зарядил оба. Этим же днём почувствовал, что отношение к нему ополченцев изменилось. Не столько уважать стали, сколько бояться. Все приказания бегом исполнялись. А дня через два разговор подслушал.

– Крутой у нас десятник. Что не по нему, сразу пулю в лоб!

– О!

– Говорят, родня князьям Засекиным.

– Сразу видно, даже одёжа нехолопская.

Да уж, переоделся Михаил. Поверх футболки рубаху надел, сверху кафтан. Вот джинсы пока свои оставил да кроссовки, удобно в них. А ещё ложкой серебряной обзавёлся, деревянной пользоваться неудобно. Конечно, свои плюсы у липовой ложки были – губы не обожжёшь горячей похлёбкой, но и в рот её не возьмёшь, велика. В одном из поместий серебряную ложку с монограммой присмотрел, причём буквы совпадали с его инициалами. Получилось, как именную фамильную ценность приобрёл. Предположить не мог, какую роль в дальнейшем

сыграет этот столовый прибор.

Холопы, вступившие в войско мятежника, жизнью были всецело довольны. Ещё бы! Работать не надо, кормят сытно за счёт царевича Дмитрия, да и вседозволенность развращала – грабили, мародёрствовали, бесчинствовали.

Стрелецкий сотник, чтобы сотня его совсем не разложилась, не спилась до Москвы, в свободное от переходов время стал ополчение обучать. Оружие у бунтовщиков самое разномастное. Сотник показывал приёмы сабельного боя или удары палицей, приёмы защиты. А за исполнением наблюдали десятники. С прохладцей мужики к оружным занятиям относились, но до первого серьёзного столкновения.

Подходили к Ельцу, как навстречу войско воеводы царского князя М. И. Воротынского. Княжеская рать из стрельцов, а впереди колонны Болотникова казаки. Казацкая вольница сразу в бой ринулась, думали смять стрельцов с хода. Наскок неудачным получился. Воротынский успел в шеренги стрельцов построить. Залп! Стрельцы дымом окутались, среди казаков первые потери. Стрелявшая шеренга шаг назад сделала, пищали перезаряжают, а на её место вторая шеренга выдвинулась. Ещё залп! Пуля из пищали свинцовая, тяжёлая, да ствол гладкий. А отсюда – точность стрельбы небольшая. Но стрельцов много, в шеренге не меньше сотни стрелецкой. Поскольку дистанция между казаками и стрельцами сокращалась, многие пули свои жертвы нашли. Третья шеренга заняла место второй – и снова залп. Выучка у московских стрельцов хорошая, да перезаряжать пищаль – дело долгое, мешкотное. Казаки, потеряв часть убитыми, часть ранеными, всё же доскакали до стрельцов. Обозлённые потерями, рубить стрельцов стали остервенело. Конный над пешим всегда преимущество имеет. Конь своей массой напирает, всадник сверху бьёт. Несколько минут – и почти вся первая шеренга порублена. Зато вторая перезарядить пищали успела. Дали нестройный залп, почти в упор. Дым, крики раненых, ржание лошадей. Не сдюжили казаки, кони во все стороны понеслись. Которые без седоков, на других еле держатся в седле раненые. Пока казаки атаковали, из обоза пушки подтянули, дружными усилиями с подвод их на землю опустили. На лафеты стволы положили. Пушкари засуетились. Один порох зерненый отбирает, специальным совком, прозываемым шуфла, в ствол засыпает. Тут же пыжи в ствол банником задвигают, другие ядра в ствол закатывают. Заминка из-за запальников случилась. Для выстрела необходимо на железной жаровне сначала запальники раскалить, а потом их к отверстию в казённике подвести, поджечь затравочный порох. Стрельцы Шуйского, видя

нерешительность бунтовщиков, пошли в атаку с бердышами наперевес. Ситуация критическая. Стрелецкий полковник из войска Болотникова сам к пушкарям прибежал.

– Почему не стреляете?

– Запальники не готовы.

Заругался бранными словами полковник. До стрельцов наступающих уже двести метров. Но тут грянула первая пушка, за ней вторая, и пошла стрельба. Михаил наблюдал бой со стороны, видел, как ядра при точном попадании убивали сразу несколько стрельцов.

Замешкались наступающие. Если и была у них артиллерия, развернуть её не успели. Князь Воротынский на коне гарцует, саблей размахивает, подбадривает стрельцов. Пушечное ядро у самых ног коня упало, взрыв, фонтан земли. Лошадь в испуге понесла, князь к шее коня припал, остановить пытается.

Стрелецкий полковник, видя ситуацию, команду зычным голосом отдал:

– Стрельцы! Ополчение! Вперёд на ворога!

Стрельцы Болотникова и ополченцы сами бросились в наступление. В обоих противоборствующих сторонах стрелецкие полки, вооружение и выучка одинаковые, и быть бы бойне, да моральный дух войска Воротынского не на высоте. Не хотели стрельцы московские жизнь класть за Шуйского. Жалованье задерживали, а моральных стимулов нет. Болотников же от имени царевича Дмитрия стрельцам своего войска в случае взятия Москвы пообещал и жалованье задержанное выплатить, и сверху добавить. Холопам вольную и освобождение от налогов. Стимулы по тем временам высокие.

Не выдержало войско Воротынского, побежало. Проиграли бой позорно, с потерями. Мало того, трофеем бунтовщикам обоз достался с провизией и оружием. Первая серьёзная победа войска Болотникова, да где? В подбрюшье Москвы! Весть о разгроме быстро до Москвы, до Шуйского долетела. В августе этого же года войско мятежников разбило войско воеводы московского князя Ю. Н. Трубецкого под Кромами.

Болотников явил милость и снисхождение к разбитому войску Воротынского. И сам князь ускакал в Коломну, и стрельцы за ним бежали. Многие пищали на поле боя бросили, уж больно тяжелы ружья. Болотников, имея казаков и конные дворянские рати, мог бы отдать приказ – догнать и уничтожить. Однако кровожадность не проявил, явно в надежде склонить потом стрельцов из царского войска на свою сторону. Одержав победу, праздник устроили. В обозе Воротынского провизия. Стали в котлах похлёбку варить, кашу. Другие в рухляди рылись, примеряли на себя кафтаны стрелецкие, рубахи, порты.

Ополченцы, лишь малое время поучаствовавшие в бою, понесли потери. Стрельцы Воротынского бою обучены, опытные. Дав залп из пищалей, принялись рубить холопов бердышами. Фактически бердыш – как секира на древке копья, да и рожон есть. К стрельцу с бердышом близко не подступишься, щитом бы прикрыться, а нет их ни у кого, хотя в обозах были. Холопы полагали, саблями да палицами биться будут да большей частью против безоружных селян и горожан. И в самом деле – грабили удачно, сёла и хутора занимали. А столкнулись с регулярным войском – и куда смелость девалась? Ничего стрельцам противопоставить не могли. Защититься от ударов? Щитов нет, самим напасть? Не знают приёмов, саблями, как дубинками, размахивают. Кто поумнее, в обозе, оставленном Воротынским, стали искать бердыши, рогатины, совни. Полагали, древко длинное, к себе врага не подпустят. Ан каждым видом оружия владеть учиться надо.

Вот теперь стрелецкий сотник Твердила Фомин востребован стал. Мало кто от занятий увиливал, видели сами, конное войско царь выставить может. А жить каждому хотелось, и все надеялись на большие поблажки в будущем. К удивлению Михаила, копейщиков в его десятке едва не половина стала. И копьё, и рогатина, и совня – фактически одного вида оружие. У рогатины рожон длиннее и мощнее, а ещё перекладина железная есть. Рогатина – оружие охотничье, на медведя рассчитана. Поперечина не даёт зверю приблизиться к охотнику, а крепкое древко лапой не сломать. Только рогатина тяжелее копья, хорошо владеть ею может человек физически крепкий. Впрочем, холопы привычны к тяжёлому труду от зари до зари, и мышцы накачаны. Совня же имеет лезвие длинное, широкое и кривое, на манер морской абордажной сабли, рубить и колоть можно.

Простояв сутки, войско двинулось дальше. Чем ближе Московская губерния, тем чаще встречались опустевшие деревни. Опасаясь бунтовщиков, люди бежали в столицу, другие губернии, в основном восточнее Москвы. Почти все города

южнее столицы, числом более семидесяти, были уже под властью Болотникова.

Через Оку переправлялись на пароме больше двух суток. Паром маленький, сновал по натянутому канату непрерывно, днём и ночью. Разбили бивак на берегу. Казаки, отправившись в разведку, установили, что изрядное воинство царское стоит в селе Троицком Коломенского уезда. Сотник Фомин, вернувшись с совещания у Болотникова, сказал десятникам готовиться к бою, завтра наступать. Михаил слова его передал своим бойцам. Вечером спать улёгся в пустующей избе да на перине. Мягко, удобно. Уже засыпал, как услышал голос:

«Обойди царскую рать слева, жив останешься и победе поспособствуешь».

Куда сон девался. Подскочил, осмотрелся. В комнате полумрак, да ведь нет никого. Может, причудилось? Да и странно – голос на его похож, на собственный. Списал на переутомление от пешего перехода, на нервное напряжение. Утром короткий завтрак всухомятку. Многие из воинства не ели, считалось, при ранении в живот сытому не выжить. Выстроились в боевой порядок. Впереди стрельцы, за ними ополчение, на правом фланге конные казаки. По замыслу Болотникова, во время боя казаки обойти царскую рать справа должны, по лугу, в тыл зайти.

Пушкари под прикрытием войска, артиллерию готовили. Со стороны противника они не видны, а в нужный момент огнём поддержат. Болотников рассчитывал на неприятный «сюрприз» для царского войска. Михаилу припомнились услышанные ночью слова. Своих бойцов на левый фланг поставил, за стрельцами. Только засомневался. Слева лес, пешим там драться несподручно. Лес если и годится, так резерв укрыть, скажем – конницу.

Впереди видны царские войска. Стрельцы в синих кафтанах, при бердышах и пищалях. Войско Болотникова в наступление двинулось. Русские воеводы чаще выбирали тактику оборонительную. Стоять на позициях, поджидать врага, зачастую за щитами гуляй-города. В обороне потери всегда меньше, и резерв в тылу спрятать можно, как туза козырного в рукаве.

Как рать вперёд двинулась, Михаил крикнул своим:

– За мной! Не отставать!

И понемногу влево от движения основных сил отклоняться стал. Казаки с правого фланга вскачь понеслись, забирая вправо. Царский воевода обеспокоился, свой левый фланг стрельцов разворачивать стал. Михаил ещё было подумал: а где же пушки?

В государстве Московском сразу несколько приказов было, занимавшихся вооружением, – Пушкарский, Бронный, Оружейный, не считая Стрелецкого, Казачьего и Иноземного строя. Пушкарский приказ занимался изготовлением пушек, пороха, ядер, обучением пушкарей. И артиллерия московская была на уровне европейской, а то и превосходила её. Иностранные послы отмечали хорошее качество литья пушек и отличную подготовку пушкарей. И количеством пушек Русь превосходила многие государства, уступив лишь к концу века Швеции и Османской империи.

Холопы, ведомые Михаилом, в лес вошли, начали роптать. И в самом деле – на бранном поле уже выстрелы слышны, звон оружия.

– Тихо! – оборвал возмущение холопов Михаил. Достанется и нам слава!

Знали холопы, прекословить нельзя, крут и быстр десятник на расправу. Михаил и сам пока не понимал, почему людей за собой в лес повёл. Послушался голоса, да и всё.

Впереди небольшая поляна на опушке, да неестественная. Деревья вырублены, на опушке сложены хлыстами, засека получилась, своего рода баррикада в сторону поля боя. А за деревьями пушки царские. Огни в жаровнях горят, пушкари у пушек застыли, готовые открыть огонь. Ждут, когда войско бунтовщиков подтянется. Тогда убийственный фланговый огонь откроют. Хитро задумано! Михаил сразу скомандовал:

– Руби их, ребята!

И сам первым на поляну выбежал. Нападения с тыла пушкари не ожидали. В руках банники да запальники. А бунтари крови жаждут, победы. Рубить, колоть мятежники начали. Не менее половины пушкарей вмиг полегли. Михаил сам главного пушкаря застрелил. Остальные пушкари в панике разбежались. Кто в лес, а кто прямо на поле боя. Михаил сначала своих бойцов хотел увести, а потом шальная мысль мелькнула. Пушки к бою готовы, заряжены, зачем

бросать? Повернуть их на станинах, подправить прицел, да и пальнуть по царской рати.

Тяжела пушка, самому не справиться, холопы на помощь пришли, станину жердями довернули. А по вертикали вроде хорошо. Все пушки довернули, Михаил брошенный запальник нашёл, угли в жаровню сунул. Как раскалился железный изогнутый прут, схватил его и к крайней пушке. Поднёс запальник к отверстию, порох на затравочной полке вспыхнул, с некоторой задержкой – в секунду – пушка бабахнула. Михаил посмотрел, куда ядро угодило. Получилось лихо, сам не ожидал, в самую гущу царских стрельцов. Побежал к другой пушке, из неё выстрелил. Холопы, наблюдая за попаданиями, орали восторженно, приплясывали.

– Дай им жару!

Неожиданный пушечный удар во фланг привёл к большим потерям. Конечно, что батарея пушек стоит за засекой, знали военачальники царского войска. Но никто предположить в страшном сне не мог, что пушки начнут палить по своим. Во вражеском войске замешательство. Зато стрельцы и ополченцы Болотникова, получив неожиданную и нужную поддержку, ринулись в бой. Царские стрельцы начали отступать, а потом и вовсе побежали, спасая свои жизни. Разгром был полный. Бросились собирать трофеи. А Михаил и его холопы влезли на засеку, размахивали шапками. К ним подбежал Твердила. Отдышавшись, спросил:

– Кто захватил пушки?

– Фомин! Неужели не узнаёшь?

– А палил кто же?

– Мы палили!

– Так и доложу Ивану Исаевичу, он меня послал разузнать.

Михаил не имел военного образования и боевого опыта, но он понимал – надо бы преследовать отступающих, пленить, захватить обозы. Упустили! Большая часть царских стрельцов скрылась. Да не в Москву подались, а укрылись за стенами

городскими Коломны, усилив гарнизон.

После боя, когда рать Болотникова пировать начала, отмечая победу провизией из захваченного обоза, к Михаилу Истома Пашков, предводитель тульского дворянства, подъехал. За ним ближние сподвижники. Истома с лошади спрыгнул.

– Ты Засекин будешь?

– Я, – поднялся Михаил.

– Узнаю благородную кровь дворян Засекиных. Пушки взять, разогнав прислугу, да вовремя атаку стрельцов поддержать не всякий десятник, а то и сотник сообразит. Хвалю! Самим Болотниковым послан благодарность выразить.

Князь обнял Михаила, как ровню. Михаил рот открыл возразить – однофамилец он, не благородного звания, да смалодушничал, промолчал! Князь продолжил:

– Не желаешь ли под мою руку перейти?

Окружение князя ненавязчиво холопов десятка Михаила оттеснило, дабы князь спокойно, без лишних ушей поговорить мог. Михаил голову опустил, хотел отказаться. Знал он, что Пашков с Ляпуновым в решающий момент перейдут на сторону Шуйского. А предателей в любом деле Михаил не любил. Как в заповедях? Предав единожды – кто тебе поверит? Князь принял его заминку за раздумья.

– Ответ сразу не даёшь, молодец. Серьёзный муж поступок свой обдумать должен, хвалю. Да ведь и главного не сказал, в качестве кого беру? Полагаю, старшим пушкарём. Славно у тебя получилось, все ядра в цель угодили. Бери подводы, грузи пушки, ежели согласен. С Иваном Исаевичем я утрясу. И холопы твои с тобой, ты их знаешь. Слышал – слушаются тебя, боятся, говорят – крут.

Князь наклонился.

– С чёрным людом, с мужичьём, так и надо. Дай им волю – всё разрушат, сожгут, людишек побьют. Не будет порядка. Сегодня отдыхай, а завтра с трофейными

пушками в своём биваке жду.

Князь прижал к себе Михаила, вскочил на лошадь. Кавалькада унеслась. Михаил раздумывать стал. У Пашкова ратники опытны и обучены, вооружены хорошо, порядок и дисциплина есть. И повоевать под его началом вполне можно, но до поры до времени, до измены его в битве под Москвой. А ещё – находясь в рати Пашкова, можно узнать о планах изменника. Михаил не верил, что Пашков предал в одно мгновение, наверняка план перехода к Шуйскому обдумывал, своих дворян подбивал. Пусть идёт как идёт. А из пушек стрелять он научится. Как наводить, он интуитивно понял. Главное – какую мерку пороха в ствол сыпать, чтобы пушку не разорвало?

Пушки и огненные припасы – ядра, порох, каменный дроб и прочие мелочи – на подводы погрузили и с утра переехали в лагерь Пашкова. Занятно было – казаки Илейки Муромца стояли отдельно, рязанцы Ляпунова – своим биваком, так же как и туляки Пашкова, северская рать Телятевского тоже уединилась. И холопы, ополчение, своим лагерем стояли. Недалеко друг от друга, но отдельно. Похоже, дворяне не особенно дружили, как и другие предводители. Надо бы это обстоятельство запомнить и при случае использовать, решил Михаил. Интриганом он не был, но жизнь сама подталкивала.

В войске Пашкова дисциплины и порядка больше, это сразу чувствовалось. Наверное, так и должно быть, в его войске боевые холопы и служилые дворяне, война была их уделом, образом жизни. Холопы десятка Михаила смотрелись на их фоне едва ли не шайкой разбойников – в разномастной одежде, с разным оружием, довольно неопрятные. Взять волосы. Дворяне и боевые холопы острижены почти налысо. С такой причёской кожа на голове под шлемом не потеет, врагу ухватить за чупрун невозможно, а ещё живность не заводится. В походе не всегда возможность вымыться есть, поэтому вши и блохи – вопрос насущный. И бороды – в войске Пашкова, Ляпунова, Телятевского они оправлены, аккуратные, даже расчёски для бород и усов есть, маленькие, с частым гребнем. А у холопов в десятке Михаила бороды лопатой, от жира местами слиплись. Немудрено, после еды мужики о бороды руки вытирали.

Единственное объяснение, почему Пашков Михаила с десятком к себе пригласил, так это пушки. Фактически в десятке Михаила тридцать человек, с шестью пушками вполне управятся. По тем временам шесть пушек – сила грозная, серьёзная. Иметь пушки могло только царское войско. Дворяне могли купить пушки в Пушечном приказе, но негодные к службе в армии. Либо калибром

малые, либо изношенные и списанные, либо трофейные, к которым ядра подобрать невозможно. Пушки подразделялись калибром по весу ядра – полуфунтовые, фунтовые, полуторафунтовые и так далее. Ядра могли быть каменные и свинцовые, применялся на близкой дистанции ещё дроб каменный или свинцовый, вроде картечи. Для пешцев такой выстрел подобен смертоносной метле.

Михаил после завтрака отправился к пушкарям стрелецким. Расспросил подробно о навесках пороха, некоторых других премудростях. Огненного боя, что пищального, что пушечного, в народе побаивались. В состав чёрного пороха входила сера, точно так же, по уверениям церкви, пах дьявол. А ещё пугал грохот. От порохового дыма и лица и форма у пушкарей зачастую тёмные, закопчённые. Ну, ровно черти из преисподней. Михаил лишь ухмылялся, слыша такие разговоры. Что с них взять, тёмные люди!

После суточного отдыха довольные одержанной победой мятежники двинулись к Коломне. Город старинный, укреплён хорошо, стены Коломенского кремля толстые, каменные, высокие.

К гарнизону крепости присоединились стрельцы из разбитого царского войска под селом Троицким. В городе запасы провизии есть, в кремле родники. Город не раз был в осаде – то татары, то рязанцы пытались себе город вернуть, изначально-то к княжеству рязанскому относился. Да всегда московские управители на Коломну с вожделением смотрели, уж больно удобно расположена, на слиянии Оки и Москвы-реки, на перекрёстке судоходных путей, из Балтики на Волгу.

Население посадов, извещённое стрельцами и испуганное, от войска Болотникова в кремле укрылось. Хоть и обширна территория крепости, а тесно в ней стало. Бунтовщики посады быстро заняли. Если кто там и оставался, так старики. Пограбили посады, а крепость с ходу, с налёта не возьмёшь. Уже начало октября, прохладно ночами. Мятежники довольны, что в чужих избах ночевать можно, не под телегами в чистом поле. Следующим утром бунтовщики на приступ пошли. Ни камнемётных машин, называемых на Руси пороками, ни артиллерийской подготовки не было. Полагали – тараном ворота выломают, да не вышло. В кремле гарнизон обучен, опытен. Из луков, из пищалей, из пушек стреляли. На стенах крепостные пушечки-тюфяки, стреляющие дробом. А ещё на штурмующих и смолу лили, и кипяток, швыряли камни. Много штурмующих живота лишились, а ещё больше с ожогами, переломами, ранениями из строя

выбыло. Обозлённые неудачей военачальники войска мятежников распорядились пушки поставить. С полсотни пушек набралось, установили, стрелять начали. Да пушечки все калибра небольшого, стенам ущерба нет, а ворота захабом прикрыты, специальной стеной под прямым углом. Для осады крепостей специальные пушки надобны, осадными их называют, калибром большие, ядра по два пуда весом швыряют. А нет у войска Болотникова таких. В царском войске подобные орудия наперечёт, под них повозки крепкие, да не одна, и тянет их восьмёрка коней каждую повозку. Постреляли пушки, ядра только каменную крошку от стен выбивают. Что поделаешь, пушки полевые, супротив неприкрытой живой силы предназначены. Отступились. Военачальники у Болотникова совет держат. Решили оставить небольшой отряд, дабы не дать выйти из кремля царским ратникам. А самим на Москву походом идти. Впереди осень с её дождями, непроезжими дорогами. Цель мятежников Москва, а не Коломна, в столице царь, свержения и смерти которого бунтари желают.

По возможности шли быстрым маршем, ели только утром и вечером. Конница вперёд ушла, занимая сёла по коломенской дороге. За неделю добрались до села Коломенского, что всего в семи верстах от Москвы, здесь и остановились. Выдохлись люди и кони, зарядили дожди. Болотников гонцов разослал по городам и ратям малым. Для штурма города требовалось собрать все силы. Болотников ясно понимал, что Шуйский выставил против него все силы и от исхода сражения может зависеть исход всего восстания. Во все стороны от Коломенского отряды фуражиров отправились. Рать большая, ртов много, провизия нужна.

Когда погода была хорошей, ветер уносил тучи, выглядывало солнце, с возвышенностей было видно колокольню Ивана Великого, самое высокое строение Москвы, на территории Кремля. Многие поглазеть хотели, даже на деревья залазили.

Истома Пашков исчез на несколько дней, а объявился с лицом довольным. За ужином, в кругу приближённых, где довелось быть и Михаилу, похвастался:

– В стольном граде побывал.

Все присутствующие ахнули.

– Как так? А заставы царские?

– О! Заставы! Стоит одна, так я стороной объехал. Дорог-путей к Москве десятки ведут.

Михаил тоже полагал, что Москва практически окружена войсками царскими, как передовая во время войны. А Пашков похваляется:

– На улицах побывал, даже в Кремле, на Ивановской площади.

В глазах приближённых Михаил уловил тень сомнения. Как такое может быть? Один из предводителей восстания и свободно по столице прогуливается, где враг окопался? Или не знают Пашкова в лицо? После ужина размышлять стал. Чего Пашкову в Москве делать? Разведку проводил? Не по чину, он князь, для служивого дворянина или боевого холопа из смышлёных задача. Сомнение закралось. Скрывает что-то Истома. Не тайные ли переговоры вёл с Шуйским или его ближним окружением? Но доказательств нет, и сомнительно, что будут. Служилые дворяне Пашкову в рот смотрят, верят. И за Истомой последуют, плюнув на мятежников. Холопы всего лишь холопы.

Глава 2

МОСКВА

Служба в армии – хорошая школа взросления для мужчин. Михаил хорошо помнил слова сержанта во время службы:

«Солдат всегда должен быть занят. Иначе жди нарушения устава – пьянки, самоволки».

И Михаил решил действовать по такому же принципу. И холопов занять и обучить. Как сказал Болотников, надо дождаться подхода Илейки Муромца и более мелких отрядов. Для штурма Москвы требовались силы. По мнению Михаила, к столице уже надо было подходить всей ратью, ударить внезапно. А теперь Шуйский, узнав от лазутчиков, от простых жителей, что войско Болотникова под боком, принимает меры – стягивает в Москву ратников из близлежащих городов, пытается склонить на свою сторону дворян,

предводителей отрядов из стана Ивана Исаевича. Позже оказалось – преуспел царь Василий. Да и «Ивашка», как пренебрежительно называли Болотникова в царском окружении, тоже противодействовал. Люди от него в Москву ходили, раздавали «прелестные» письма, на базарах и других людных местах вели разговоры, склоняли москвичей присоединяться к Болотникову.

Михаил у Пашкова заручился согласием пострелять из пушек. Стрельба без спросу в тылу могла вызвать тревогу, а то и панику.

– Давай, – кивнул Истома. – Только не переусердствуй, запасы пороха не велики, а впереди сражение с царским войском.

Немного отъехали на подводах, на небольшом возвышении пушки поставили. Слева роща, впереди грунтовая дорога, справа ложбина. В сторону дороги Михаил стрелять опасался, не приведи господи, проезжать кто-нибудь будет. Развернули пушки к роще, в качестве мишеней поставили пустые винные бочки. Вокруг Михаила доморощенные пушкари собрались. Видно, не по нраву занятия, физиономии кислые. Михаил подробно рассказал и наглядно показал, как пушку заряжать, как целиться. Пока объяснял, запальник в костерке раскалился. Михаил пальцем в наиболее сообразительного из холопов ткнул:

– Всё ли понял?

– Всё.

– Тогда наводи и стреляй.

Холопы на всякий случай подальше от пушки отошли, уши ладонями прикрыли. Афанасий деревянной большой киянкой станину подправил, потом клин подбил, уменьшив угол возвышения ствола. К жаровне сбегал, на Михаила вопросительно смотрит.

– Поджигай!

Вспыхнул порох у затравочного отверстия, секундная заминка и выстрел. Позиция дымом окуталась, ядро с шелестом к роще полетело, угодило в деревья. Видно было, как повалилось несколько молоденьких осин.

– Для первого раза неплохо. А только от бочек далеко ядро угодило.

К Михаилу несколько холопов подбежали.

– Шевеление какое-то в роще.

– Зверя дикого побеспокоили?

Роща проглядывалась не полностью, но перед стрельцами людей или повозок на опушке видно не было. Да и зверьё с приходом войск уйти должно туда, где потише. Медведи на зиму в берлогу залечь должны. Снега выпало мало, земля замёрзла. В иных местах намело, на санях сподручно ехать, а на возвышенностях ветер снег сдувал, земля голая, до каменистой плотности замёрзшая, тут только на подводе ехать.

Михаил сам второй выстрел сделать решил. Проследил, как мужики пушку зарядят, прицел подправил. Пушка бронзовая, допотопная, никаких противооткатных устройств нет, лафет примитивный. Пушка при выстреле подпрыгивает, прицел сбивается, перед выстрелом по новой наводить надо. Ошибку Афанасия учёл, перелёт был, подправил. Мужики снова разбежались, как только он запальник в руки взял. Ба-бах! Ядро к роще полетело, и вдруг взрыв, довольно сильный. Из рощи огонь, дым. Часть деревьев повалило. Мужики оторопели.

– Это что было?

А Михаил и сам ответить не может.

– Ты, ты и ты, остаться у пушек. Остальные за мной, оружие приготовить.

Стреляли каменным ядром из фунтовой пушки, а взрыв, как у тяжёлого гаубичного снаряда. Видел такой Михаил на учениях. Как к роще подошли, приказал цепью встать, а не толпой идти. В роще пороховым дымом пахнет. По поваленным деревьям эпицентр определил. Обломков полно, да не ветки. Тележные колёса, куски гнутых дощечек, явно от бочки, да много. Непонятно было, пока один из мужиков дощечку Михаилу не принёс. На ней чёрной краской кусок надписи:

«Порох зернёный. Пороховой приказ…»

А дальше только отдельные буквы, дощечка не целая, сломанная. Понял – бочка или скорее бочки с порохом на телеге были. Только как такая телега в рощу попала? Из войска Болотникова припрятали или отступающие пушкари Шуйского бросили? Или хуже того, делали припас для диверсии, подрыва на дороге или мосту? Теперь и не узнать.

– Пройдите-ка рощу, вдруг ещё что интересное сыщется, – приказал Михаил.

Больше интересного не нашлось. Зато через четверть часа прискакал один из приближённых к Пашкову служилых дворян.

– Это у вас бабахнуло? В лагере слышно было, обеспокоились.

– У нас. Удачно в бочку попали, – успокоил его Михаил.

– Как будто пороховой завод взорвался, – пробормотал служивый.

Сел на коня и отбыл. Желание палить из пушки как-то пропало, да и замёрзли уже. Морозец небольшой, но ветер. На ногах у мужиков сапоги, для зимы обувка не самая подходящая. Вернулись назад, как раз к обеду поспели.

С утра Михаил у Истомы отпросился.

– Хочу к знакомому сходить, – пояснил он.

– Да хоть на два дня, – махнул рукой Пашков.

Никакого знакомого в помине не было. А решил Михаил в Москву сходить. Во-первых, интересно город посмотреть. Какой он сейчас, видел. Правда, был в столице один день. Красную площадь посмотрел, Исторический музей, на большее времени не хватило, поезд в Питер вечером. А какая Москва средневековая? А ещё – интересно узнать мнение москвичей о Шуйском, о войске Болотникова. Поддерживают ли жители бунтовщиков? Кроме того, хотелось самому увидеть подготовку царских войск к штурму. Где заставы, есть ли подобие баррикад, где стоят пушки?

В войске Болотникова Михаил уже четыре месяца с хвостиком. Сначала воспринял бунт как игру. Покрушить замшелые устои самодержавия, как писали раньше в исторических книжках. Постепенно мнение стало меняться. Бунт – это кровь, зачастую невинных людей, это бесчинства, грабежи. И вблизи это выглядело не так весело. Кроме того, появился Лжедмитрий второй, да не один, при поддержке польских сабель. Да не спешит он к Болотникову на помощь, выжидает. Иностранного же владычества на Руси, польского шляхтича царём русского государства Михаил видеть не хотел. По правде получалось – участвуя в боях против царя, сам способствовал ослаблению царской власти и государства. Знал, что немного позже Минин и Пожарский с ополчением поляков изгонят, станет во главе государства новая династия царей – Романовы. Но сколько крови ещё прольётся на многострадальной русской земле? В общем, колебаться стал. Правилен ли его выбор? О предательстве не думал, как бояре. Им где выгоднее, ту сторону они принимают. А он? Вредит стране или помогает? Болотников, судя по его речам, хочет крестьянам, чёрному люду, холопам землю дать, вольную, освобождение от налогов. Но искренне ли так думает? Слова – всего лишь шелуха, зачастую призванная скрыть истинные намерения. А потому хотел сам посмотреть, проанализировать, сделать выводы.

До столицы всего семь вёрст, два часа бодрого хода. Заставу стрелецкую на дороге коломенской увидел загодя, отклонился влево. Правее Москва-река, подёрнутая тонким ледком. Кораблям уже поздно ходить, а на санях ездить рано, лёд непрочный.

Ума хватило оружие с собой не брать. Потому как с заставы его заметили, двое всадников отделились. Судя по кафтанам, не стрельцы, одеты добротно, шапки меховые на головах.

– Эй, ты кто такой будешь?

– Наговицына ключник.

Были в десятке Михаила двое, из столицы сбежали несколько лет назад с семьями, осели под Путивлем. Рассказывали как-то, сидючи вокруг котла за ужином, о боярине. Имя подействовало. Один из конных с коня спрыгнул.

– Кафтан расстегни.

Михаил просьбу исполнил. Ратник разочарованно хмыкнул, похлопал ладонью по рубашке. Карманов тогда в одежде не было, письма либо другие бумаги носили под рубашкой или в рукаве.

– Чист! – сказал ратник второму. А зачем в Коломенское ходил? Оно под Болотниковым.

– Сдался мне этот бунтовщик! В Авдотьине был. Боярин об урожае беспокоится, велел проверить, как хранится. Мыслю – перевозить в город запасы надо. Как бы Ивашка-мятежник деревню не захватил.

Тот, что на коне сидел, проверить Михаила решил, задал вопрос каверзный:

– Наговицын-то где живёт? Вроде в Кожухове?

– Откель? В Замоскворечье, почитай центр, Кремль виден.

Про Замоскворечье холоп говорил. Михаил полагал, что забыл мимолётный разговор, а в памяти осталось и в нужный момент всплыло.

– Верно. Ступай, передавай привет боярину.

– От кого?

– Петра Вьюнова, мы как-то рядом на смотре стояли, ещё в бытность Бориса Годунова.

– Как есть передам, слово в слово.

Всадники ускакали, Михаил дух перевёл. Едва не влип! А уж дальше шёл свободно. Ни войск не видно, ни ополченцев. Прохожие спокойно ходят, никакой паники, вроде и не стоит армия Болотникова под городом. Подводы с грузами едут, сбитенщик с красной рожей идёт, бабы с корзинами с торга возвращаются. Мирная жизнь. К храму какому-то вышел. Из дверей народ выходит со службы. Один из мужиков на каменную ограду влез, стал за Болотникова агитировать.

– Ненастоящий царь Шуйский-то! На соборе подкупленными людишками выкрикнут! Нет в нём крови Рюриковичей! Истинный царевич Дмитрий в столицу…

Мужик не договорил, за полы армяка его стащили прихожане, бить стали. Мужик вырвался, из носа кровь течёт, бросился бежать. Никто его не догонял, только кричали вслед:

– Ату его! Босяк безбожный!

М-да, видимо, не очень жаловали в столице агитаторов Болотникова. Да почти всегда так было, народ сам по себе, цари правят. Народ выживает при любом строе, бояре за чины, за должности дерутся. Любая должность при дворе – это кормление сытное.

Что удивило – Москва-то небольшая. По меркам того времени, велик город, а по современным – провинциальный город в сто – сто десять тысяч жителей. Не все улицы мощены, кривые, деревянных изб полно. Каменные дома у знати, у купцов зажиточных да больше в центре. Многое выглядит не так. На Красной площади ни ГУМа, ни Исторического музея, а торговые палатки, огромное торжище. Стены Кремля уже красно-кирпичные, воздвигнутые итальянскими зодчими. Подошёл к Фроловской башне, как называлась тогда Спасская. У ворот стрельцы. Постоял, посмотрел. Народ свободно проходит, не как сейчас. И он затесался в толпу богомольцев, внутрь Кремля прошёл. Батюшки светы! Теремного дворца ещё нет, зато стоят монастыри – Чудов, Вознесенский, Спасо-Преображенский, действующие, монахи снуют. К сожалению, монастыри и некоторые храмы большевики, придя к власти, снесли, борясь с «опиумом для народа». Но стоят уже Богоявленский и Успенский соборы, возведённые при Иване третьем Аристотелем Фиораванти. На месте Грановитая палата и Архангельский собор. Никаких туристов в помине нет. Кремль – деловой и духовный центр царства.

Ходил, любуясь красотой архитектуры, пока не столкнулся с молодым парнем, почти сверстником своим. Лицо строгое, даже немного надменное, кафтан с меховым воротником из соболя, сабля на боку. Сразу видно – служилый дворянин. Михаил сразу шапку стянул, поклон отбил.

– Прощения прошу за свою неловкость, – повинился он.

– Холоп! – брезгливо бросил молодчик.

Когда дворянин немного отошёл, Михаил спросил у проходившего писаря, показывая на парня:

– Это кто такой будет?

– Скопин-Шуйский, ноне в чинах, родственник царский.

– Благодарствую.

Вот это да! Сам Скопин-Шуйский! Насколько помнил Михаил историю, именно этот военачальник нанёс армии Болотникова сокрушительное поражение. Знать бы, кинжал захватить следовало бы, его легко спрятать. Да следовать за Скопиным и в удобном месте удар смертельный нанести. Глядишь, история государства по-другому бы пошла.

Михаил Скопин-Шуйский рано осиротел, и воспитывала его мать, Елена Петровна, урождённая княгиня Татева. С приходом к власти близкого родственника Василия Шуйского жизнь Михаила меняется, он становится воеводой. Победы молодого воеводы в дальнейшем вызывают зависть у царского окружения и самого царя. Знатный князь Иван Михайлович Воротынский пригласил Михаила быть крёстным отцом его сына. Крёстной матерью была Екатерина, дочь Малюты Скуратова. Из её рук принял Михаил чашу с отравленным вином и выпил. Вскоре почувствовал себя плохо, из носа хлынула кровь. Слуги унесли его домой, после двухнедельной болезни молодой воевода скончался 29 апреля 1610 года. Сам Василий Шуйский, дабы развеять подозрения в своей виновности, демонстративно рыдал над гробом племянника, устроил пышные похороны. Погребён Скопин-Шуйский был в Архангельском соборе, усыпальнице царей мужеска пола, в особом приделе.

Шуйского дворяне обвиняли в смерти племянника, но прямых доказательств не было.

Михаил после некоторого раздумья двинулся за воеводой. Зачем – и сам не знал. Скорее всего, хотел узнать адрес, где Скопин проживает.

Воевода вышел через Никитские ворота, отвязал коня от коновязи, бросил охраннику медяху. Михаил приуныл. Разве за конём успеешь? Однако Скопин на лошадь не сел, повёл в поводу. А через квартал, на Воздвиженке, к воеводе человек подошёл в охабне. Михаил глаза потёр. Кажется или в самом деле Истома Пашков? Вот это встреча! Ну да, оба дворяне, голубых кровей. И какая разница, что они представители противоборствующих армий?

Михаил боялся приблизиться, если Пашков обернётся, вмиг узнает преследователя. И тогда быть беде, если не успеет убежать. Но дворяне шли, не оглядываясь. Кого им бояться? Они сами при власти. Скопин-Шуйский рукоятью плети в ворота имения постучал, слуга тут же отворил, поклонился.

– Хозяин, коня рассёдлывать? – расслышал Михаил.

Ага, стало быть, это хоромы Скопина.

Михаил развернулся, пошёл назад. Очень любопытная встреча. О чём беседовать двум воеводам? Не иначе как Пашков договаривался о переходе своей рати на царскую сторону. Вот же змея подколодная! А ведь Истома ещё с Прокопием Ляпуновым, предводителем рязанской рати, дружен зело. Илейко же Муромец для дворян чужой человек. Хоть и улыбаются при встрече, а улыбки притворные, и за глаза называют казака «чубатым выскочкой».

Ой, заговор зреет внутри войска Болотникова. Если посчитать число всех ратников, что за дворянами стоят, так третья часть войска получится. Ежели переметнутся дворяне на сторону Шуйского, царские войска сразу перевес ощутимый получат. Сейчас активных боевых действий обе стороны не ведут, потому что подкреплений ждут. Но такое противостояние долго продолжаться не будет. Армии, что в походе, хоть на биваке, кормить надо. К тому же войско Болотникова менее дисциплинированно, особенно ополчение. В самый опасный момент, накануне боя, могут отправиться грабить окрестные сёла, подвести. Болотников и сам это обстоятельство понимал. А ещё зима впереди, с морозами и снегами. Стрельцам в Москве непогоду пережидать легче, в тепле и сытости.

Михаил долго мучился – идти к Болотникову, рассказать о своих подозрениях? А факты? Кроме встречи Пашкова со Скопиным-Шуйским в Москве – никаких. Да ещё и вопросы к самому Михаилу возникнут. Сам-то что делал в Москве? Кто посылал и зачем?

Подозрение подтвердилось следующим днём. Ночью рать Ляпунова снялась с занимаемых позиций и ушла в Москву, к Шуйскому. Ляпунов обласкан царём был. Ещё бы, усилить царскую рать в самое трудное время, когда каждый воин на счету.

Спохватился Болотников, да поздно. В обороне мятежников брешь большая. А ведь Ляпунов мог поступить хуже, под покровом ночи ударить по бунтовщикам, вырезать холопов. Не до конца продумал переход Ляпунов. Если бы заранее согласовал с царскими воеводами, сейчас расклад сил был бы иной. Первая крупная измена в войске Болотникова, Ляпунова, случилась пятого ноября.

Зима в этом году ранняя, но ещё морозов сильных нет и снега мало. А как ударят холода? У войска Болотникова тёплой одежды нет, тяжело придётся. Понятно, добыть грабежом могут. Но много ли зипунов, ферязей или тулупов у богатых? А крестьян грабить Болотников запрещал, иначе обиды пойдут и в войско притока новобранцев не будет.

Михаил понял, что дворяне – союзники ненадёжные. Вот рязанец Ляпунов. От измены Болотникову выгоду поимел, царскую милость. И другие дворяне, глядя на него, поступят так же. Осторожничать Михаил стал. Пашкову при встрече улыбается. А сам велел своим ополченцам пушки держать заряженными и рогожей не прикрывать. Для скорого выстрела надо только свежего пороха подсыпать к затравочному отверстию и поджечь. Фактически – несколько секунд затратить. И у пушек караул выставлял из двух человек, на всякий непредвиденный случай. С подходом ещё одного отряда казаков Болотников решил – пора штурмовать столицу, а то уже в рядах мятежников волнения начались, разброд.

Но царский воевода Скопин-Шуйский опередил Болотникова на день. В войске Ивана Исаевича подготовка к штурму шла, как из Москвы показались полки стрельцов, по флангам их – конница. Традиционное построение русского войска. В лагерях повстанцев сразу тревога поднялась. Завыли трубы, забегали воины, всадники коней начали седлать. И все вместе выстраивались в порядок, да сноровки и опыта недостаточно, без малого не успели. Кто успел задержать на малую толику времени царское войско, так пушкари. Пушки тогда использовались в обороне, никогда в наступлении, лафеты не позволяли передвигать пушки в рядах пешцев. Вот здесь пригодилось, что у Михаила пушки заряжены. Пока двое жаровни разжигали, другие пороха подсыпали, сами пушки навели. По горизонтали наводили поворотом самого лафета, а по

вертикали клиньями. Тренировки, которые Михаил с пушкарями проводил, помогли. Действовали быстро, слаженно.

– Пушки, залпом, пли!

Громыхнули пушки, батарея дымом окуталась. Среди московских стрельцов потери появились. Да больно велика рать московская! Михаил командовать стал.

– Банником стволы чистить!

Пушкари и сами знали, но кто-то мог поторопиться. После выстрела в стволе могли остаться тлеющие кусочки пыжей, и, если в ствол засыпать шуфлу пороха, произойдёт холостой выстрел, заряжающего покалечит или убьёт.

– Пороха по мерке – заряжай!

И эту команду исполнили.

– Пыжи в стволы!

Работали усердно. За пыжами ядра зарядили и снова пыжи из тряпья поверх. Пока до стрельцов московских далеко, надо стрелять ядрами, они далеко летят. А при метком попадании несколько стрельцов убивают или калечат. Да и психологический эффект велик. Смелость нужна, на пушки в лоб идти, когда твои сотоварищи рядом от ядер падают. Кто без головы, а кто с оторванной рукой. И среди других отрядов мятежников пушкари успели пушки зарядить, огонь открыть. Но только мало артиллерии у Болотникова было. А Скопин, хоть и молод был, опасность наступлению в пушках увидел. На батареи конницу пустил. У Михаила пушки зарядили, и вдруг справа конница, сабли наголо, гикают удало.

Подвижная, быстро перемещающаяся по горизонту цель для пушкарей – самая непростая мишень. Станок каждой пушки деревянным воротилом повернуть надобно. Пока развернули, конница переместилась, снова наводить надо. Михаил решил выжидать. Конница развернулась перед батареей, в полусотне метров. Медлить нельзя, Михаил закричал:

– Пли!

Пушки грянули разом. Заряжены были свинцовым дробом, и эффект был ужасающим. На такой короткой дистанции поразило дробом всех – людей, коней. Некоторые кони ранены, бьются в конвульсиях. Два уцелевших всадника нахлёстывают коней, удаляясь от батареи.

– Заряжай дробом! – командует Михаил.

Споро работали пушкари. Да и как не торопиться, если от этого жизнь зависит не только чужая, но и своя. Ворвись конница на батарею, всех порубили бы. За стрельбой по коннице Михаил упустил ситуацию на поле боя. А она изменилась не в лучшую сторону для войск Болотникова. Скопин-Шуйский сосредоточил самые боеспособные полки в центре, ударом рассёк войско мятежников надвое. Казакам Муромца бы с тыла зайти, ситуацию опасную выправить, а конница изменника Ляпунова не даёт. Звон железа, пальба из пищалей, грохот пушек, крики ратников, вопли раненых, ржание лошадей, какофония звуков оглушающая.

Михаил с пушкарями дал ещё залп, а затем стрелять стало опасно, своих можно задеть. Войска поперемешались, у стрельцов форма одинаковая, не понять, где чьи. По ощущениям, бой шёл уже часа два-три, упорный, никто уступать не хотел. Перед бунтарями конечная цель похода – Москва, купола храмов видны. Кажется – ещё напор и ворвутся мятежники в богатый город. О! Славно пограбить можно! Из всех городов того времени столица самый зажиточный город, а уж золотые купола храмов буквально затмевали разум своим блеском. Для царских войск Москва, с её Кремлём, как оплот, как знамя, символ. Здесь царь, митрополит Гермоген, а главное – семьи стрельцов и дворян, самое дорогое сердцу воина. Если многие города и губернии сдавались Болотникову без боя или даже поддерживали, то Москва стояла. Здесь уже видели Лжедмитрия первого с его поляками, попытками насадить чуждую веру – католицизм. И видеть Лжедмитрия второго столица решительно не желала.

Обе стороны несли потери, каждая яростно дралась, обе жаждали победы. От неё зависело многое. Не за царя дрались войска Шуйского, за веру христианскую, привычный уклад жизни, за семьи. У мятежников мотивация другая – земли крестьянам, возможность быстро разбогатеть на грабежах. И всё пока эфемерное, в обещаниях. Болотников грамоту от царевича Дмитрия показывал, но самого Дмитрия никто в войске не видел. А для селянина важно

увидеть лично, руками пощупать, у крестьян психология такая.

Московские воеводы опытнее, где слабину видят, бросают подмогу, маневрируют полками удачно и своевременно. Болотников и его воеводы уступали москвичам, да ещё выучка и дисциплина в войске бунтовщиков хромали. Постепенно москвичи теснить стали, что на флангах, что в центре. Войско Болотникова сопротивлялось, но вынуждено было пятиться, отходить, а потом и вовсе побежало. Это была первая победа Шуйского. «Многих воров побили, и живых многих поймали», – писали после боя в летописях.

Михаил, хоть и не стратег был и даже без военного образования, ситуацию оценил. Москвичи давят на всех участках, холопы побежали. Но стрельцы войска мятежников ещё держались. Бежать, бросая оружие, для Михаила было бы унизительно. Всё же в войске он воин, пушкарь, мужик, в конце концов.

– Грузите пушки и огневой припас на сани, – распорядился он.

Приказ был выполнен с быстротою. Одна пушка была заряжена дробом, её уложили на последние сани прямо на лафете. Остальные пушки после выстрелов не заряжали, уже некогда было. Обоз тронулся. К пушкарям подлетел на коне один из помощников Болотникова.

– К Серпухову отходим! Пушки сберегай!

И умчался. Да и без напоминаний Михаил пушки бы не бросил. Не успели версту проехать, как сзади разбойничий посвист, топот копыт. Михаил замыкал свой обоз, поскольку опасность могла настичь сзади. Он справедливо полагал, что командир должен быть там, где опасно, своими глазами видеть ситуацию. Догоняли обоз всадники из конницы Шуйского. Один из верховых на пике имел чёрный флажок как опознавательный знак. Отряд невелик, в полсотни сабель, но пушкарям обороняться особенно нечем. Михаил увидел только один выход.

– Стой! – приказал он возничему.

А тот ушам не верит. Как остановиться, когда сзади догоняют?

– Лошадь держи под уздцы! – приказал он ездовому.

Пушка заряжена, одно плохо – жаровни потушены, запальные трубы холодные. Так пистолеты за поясом есть. Два холопа по приказу Михаила, немного сдвинули сани, фактически наводя пушку по горизонту. Михаил к запальному отверстию пушки пороха подсыпал, поднёс пистолет, взвёл курок и нажал спуск. От искр кремневого замка пистолета воспламенился порох на стволе пушки, у затравочного отверстия. Выстрел! Сани густым чёрным дымом окутались. От отдачи сани вперёд швырнуло, Михаила задело, он упал. Сани оглоблями лошадь вперёд толкнули. Не ожидавшая подвоха лошадь на колени рухнула, билась в постромках. Михаил голову повернул. Как там преследователи? Повезло, что в пушке не ядро было, а дроб. Разлёт свинцовых картечин широк, да и точность прицеливания не так важна, как при стрельбе ядром.

Всадники понесли серьёзные потери. Лежали люди, валялись кони. Несколько оставшихся в живых разворачивали коней.

– Заряжайте пушку! – приказал Михаил. – Шустро!

Пушкари поторапливались. Нападение на батарею было первым при отступлении, но не последним. Михаил в это время подсыпал пороха на затравочную полку в пистолете. Горящую жаровню на санях не повезёшь, загорится. А пистолет выручил раз, выручит и другой. Через несколько вёрст соединились со стрельцами отступавших бунтовщиков. Обрадовались и пушкари, и стрельцы. Для пушкарей стрельцы прикрытие, а для стрельцов огневой щит. С каждой верстой отступающих становилось всё больше, примыкали маленькие отряды и одиночки из разбитого войска. В Серпухове задержались на несколько суток, собирая отставших. Так получилось, что казаки отряда Муромца отступали к Туле, а пешцы Болотникова к Калуге. Преследования царских войск не опасались, им самим раны зализать надо. Но и в Серпухове сидеть нельзя. Болотников понимал, что царские войска его в покое не оставят, будут преследовать. Так и получилось. И сам царь, и воевода Скопин-Шуйский на волне эйфории от первой победы жаждали добить Болотникова.

Переход для мятежников выдался трудным. В обозах раненые, а ещё холодно, снега полно. Частично по льду замёрзших рек, а то и санными путями, изымая по пути сани у селян, добрались до Калуги. Болотников сразу стал укреплять оборону. Вот где пригодились пушки. В самой Калуге немного пушек было, да с войском десятка три пушек и тюфяков прибыло. Войско в городских избах разместилось. Тепло, печи топятся, и провизия пока есть.

Войско Скопина-Шуйского подошло к Калуге 10 декабря 1606 года, осадило город. Расположились в окрестных деревнях, а во многих местах разбили походные шатры. Крепостные стены с наскока лихого не взять, Калуга – город укреплённый. А ещё снега замели, завьюжило. Попробовали стрельцы Скопина город взять штурмом, да от пушек потери понесли, отступились. Скопин решил город измором взять, блокировав дороги, дабы лишить подвоза продовольствия. И жителям есть надо, и многотысячному войску Болотникова. Огневых припасов у мятежников хватает, да порох хлеба не заменит.

С каждым днём осады в городе голоднее становилось. Болотников стал по ночам из города верных людей гонцами посылать во все города, которые верными ему оставались. Самыми боеспособными и числом изрядным оказались казаки Илейко Муромца, обосновавшиеся в Туле. Осады города не было, отогрелись, отоспались и отъелись в городе и на просьбы Болотникова откликнулись. Через гонцов сговорились, когда ударить на Скопина. Болотников должен был прорвать осаду изнутри, а Муромец с конниками снаружи кольца блокады. Однако пришлось выжидать до весны, когда снег сойдёт и земля подсохнет. Прорваться хотели все мятежники, ибо оголодали. Болотников созвал всех пушечных начальников.

– Казаки Муромца в дневном переходе от Калуги. Мыслю – завтра с марша ударят по войску царскому. Надо поддержать. Как бой завяжется, всем пушкарям огненным боем бить беспрерывно. Если атака удачно складываться будет, сами пойдём на прорыв.

– А как же пушки? С телегами быстро не получится.

– Придётся бросить, – жёстко ответил Болотников. Пушки ещё добудем, а воинов мало осталось, о них думка.

Бросать пушки Михаилу жалко, уже успел почувствовать всю их мощь, сам видел эффект. Но разумом понимал – иного выхода нет. Однако решил несколько подвод приготовить, из тех, что покрепче. Глядишь – получится хоть два-три тюфяка вывезти. Но и сомнения были. Пороха всего три небольших бочонка, ядер мало, свинцового дроба всего шесть мешочков. Это на пять-шесть полноценных залпов его шести пушек. Не получится ли, что вывезет с трудом пушки, а из-за отсутствия огненного припаса их потом всё равно бросить придётся?

Но один аргумент чашу сомнений перевесил. Если пушки бросить, всех пушкарей в пешцы переведут. Михаил уже обучил пушкарей в меру своих знаний и способностей. Из разрозненной, необученной команды, фактически разбойничьей шайки, получилась слаженная и относительно спаенная пушечная прислуга. Всё, решено, надо пушки забирать. Отобьют их во время прорыва, стало быть, так карта легла. Собрал своих пушкарей, задачу объяснил. Поняли, согласились. Из крестьян, боящихся звука выстрелов поначалу, вполне боеспособная батарея получилась. Правда, не было тогда такого слова, позже появилось, при Петре Великом, после его вояжа в Европу. Но Михаил именовал свою команду именно так, как привык в своё время.

С первыми лучами солнца подогнали подводы к пушкам, зарядили орудия, разожгли огонь в жаровнях, засыпав древесного угля. Берёзовый, он долго тлел, давая хороший жар. Пушки на стенах крепостных стоят, их ещё на возках к подводам спускать надо. На площади у ворот и на прилегающих улицах уже войско бунтарей собралось. Немного конницы, пешцы. Ближе всего к воротам стрельцы, они в первом эшелоне пойдут, как воины более опытные, стойкие. Все в напряжении, сам Болотников на смотровой площадке стены нервно ходит. Час прошёл, другой, когда послышались приглушённые вначале звуки боя – выстрелы из пищалей, потом крики, звон оружия. Звуки всё ближе и ближе. Показались всадники, теснившие царские войска. Это казаки Муромца пробивались к городу. Настал черёд вступать в бой и войску Болотникова. Иван Исаевич со стены сбежал, на лошадь сел, крикнул:

– Братья мои! Настал и наш черёд! Будем биться упорно, прорвёмся все или умрём, как один.

Распахнулись ворота, стали первыми всадники выезжать. Да медленно получалось, ворота – как узкое бутылочное горлышко. Михаил, как и другие пушкари на стенах, своим отмашку дал. Загрохотали пушки. Ядра долетали до шатров стрельцов царских, рвали рогожу, ломали опоры палаток.

– Заряжай дробом! – приказал Михаил.

Воеводы царские смекнули, что казаки с осаждёнными сговорились, прорыв последует, стрельцов и дворянское ополчение по тревоге подняли, бросили к городу. А пушки палят, развернуться полкам не дают. Сзади, с тыла, уже казаки рубят пешцев. Уже и воины Болотникова московских стрельцов атаковали.

Михаил стрельбу пушек прекратил, иначе своих задеть можно.

– Грузите пушки на подводы да поторапливайтесь.

Никого торопить не надо, люди сами понимали, что времени у них мало. Случись прорваться, Скопин все полки к месту прорыва подтянет, тогда плохо придётся.

Получилось погрузить все пушки и огненные припасы. Для пушкарей подвод уже не хватило, да и не рассчитывал Михаил людей по подводам сажать, иначе обоз длинный получится, потери неизбежны будут. В ворота уже последние пешцы бегут.

– Вперёд! Ездовые, нахлёстывайте коней!

Сейчас всё решали минуты. Задержись они, московские стрельцы место прорыва закроют, да хоть пушками дробом стрелять зачнут. Пешцы впереди бежали, за их спинами подводы неслись. Телеги подбрасывало на ухабах, и Михаил опасаться стал, как бы пушки из-за тряски не вывалились, да уж лучше потерять одну, чем всю батарею на стенах бросить. Не приспособлены ломовые лошади для скачки, непривычно им, но версту, самую опасную, выдержали, одолели. И пушки удалось в сохранности вывезти, что большой удачей было. Казаки Илейки сдерживают московских стрельцов, но вырвалось уже войско Болотникова из Калуги. Теперь путь один – в Тулу, где казаки Муромца отсиживались зимой. Туда же собирались все желающие к войску примкнуть. Переход выдался тяжёлым. Люди из-за голодной зимы истощены, кони, но в сёлах и деревнях разживались харчами, повеселели, надежда появилась. Хуже – рать московская по пятам следовала. Казаки Муромца разделились. Один отряд впереди идёт, в авангарде. Другой сзади, в арьергарде, отход прикрывает. Стычки иной раз не по одному разу в день. Поскольку обоз плёлся между основными войсками и казаками арьергарда, Михаил, как и его пушкари, стычки своими глазами видели. Один раз, когда москвичи насели сильно, Михаил не выдержал:

– Снимайте два тюфяка! Заряжай!

Жаровню разожгли, пока запальные пруты накалялись, Михаил стал шапкой размахивать, привлекая внимание казаков. Один увидел, подскакал.

– Чего тебе?

– Две пушки к бою готовы. Передай своим – пусть в стороны расступятся.

– Это мы мигом!

Казак передал своим просьбу Михаила.

– Готовься! – закричал Михаил пушкарям.

Надо уловить момент, когда казаки расступятся, а конница Скопина не успеет. Казаки по команде есаула в стороны подались, образовав на несколько секунд коридор.

– Пли! – скомандовал Михаил.

Грянул залп двух тюфяков. О, не зря пушкари возились с подводами, таскали тяжёлые пушки. От свинцового дроба московская конница потери понесла ощутимые. Казаки, пользуясь растерянностью, замешательством противника, в атаку бросились. Порубили московитов знатно. Зато несколько дней никто из московской рати не преследовал. Михаил не сомневался, что войско Скопина следует по пятам, но пока оторваться возможности не было. Он ошибся. В мае 1607 года царское войско выступило из Серпухова на юг. В походе против бунтовщиков были полки воевод Петра Урусова, Ивана Шуйского, Михаила Туренина, Андрея Голицына, Прокопия Ляпунова, Фёдора Булгакова. Поход возглавил сам Василий Шуйский. Через несколько дней с ними соединился полк Скопина-Шуйского, оповещённый гонцом о походе царя. В общей сложности царское войско насчитывало тридцать тысяч ратников.

Столько же имел Болотников. На реке Восьме, притоке Беспуты, войска столкнулись. Бой начался лишь на следующий день. Болотников занимал позиции на Климовском поле, у деревни Аксиньино, на левом фланге он, на правом Андрей Телятевский. Правее Телятевского Маврин овраг, затем Хомятинские и Коломенские кусты и южнее Лискин овраг. Болотников справедливо полагал, что овраги не дадут коннице нанести удар справа.

Напротив Болотникова стояли царские войска, между деревнями Хомутово и Балакирево. У обоих сторон пушки, и битва началась с пушечной пальбы.

Михаил со своей батареей располагался в Коломенских кустах, небольшой кусок ровной земли, поросший обильно кустами орешника и бузины. Начал пальбу ядрами, царская артиллерия отвечала тем же. Первыми в атаку пошли повстанцы. Наскочили на царские войска, рубка пошла. Пушки смолкли. Сражались ожесточённо. Через некоторое время царские войска прогибаться стали, отступать понемногу. Повстанцы воодушевились.

– Бей ворога! – кричал Болотников, подбадривая своих воинов. Ещё усилие – и побегут москвитяне!

Однако в царском войске были люди, хорошо знавшие местность, в частности тульский воевода Телятин. Он дал проводников Прокопию Ляпунову. Рать Ляпунова обошла войско Болотникова справа, по Маврину оврагу, а Телятин с четырьмя тысячами своих воинов зашли в тыл слева, по Волчьему оврагу. И, когда Болотников уже предвкушал победу, обе рати царя ударили мятежникам в тыл.

Болотников тоже был хитёр и тактику знал, всё же не одну битву прошёл, в начале боя послал отряд казаков в тысячу семьсот сабель в тыл москвитянам. Этих казаков сейчас не хватило сдержать удар конницы Ляпунова. Войско Болотникова оказалось в тисках. Спереди царские полки и сзади, а резервов нет. Даже не рубка началась, а избиение. Число раненых и убитых с каждой минутой возрастало кратно. Не выдержали ополченцы, бросая оружие, стали разбегаться. Стойко держались лишь стрелецкие полки Болотникова и рать Телятевского.

Михаил, находившийся с пушками в Коломенских кустах, одним из первых заметил выдвигавшуюся из оврага конницу Ляпунова.

– Развернуть пушки вправо! Целься! Огонь! – скомандовал он.

Стреляли по готовности, залп вышел нестройным, но урон всадникам нанесли. Михаил сразу увидел предателя Прокопия. Сам встал у тюфяка, навёл, запал поднёс к казённику. Выстрел! Но Ляпунов на коне успел сместиться в сторону, возглавляя атаку. Заряд дроба свалил нескольких конных воинов, но Прокопий уцелел. Оценив угрозу, Ляпунов выделил небольшой отряд, который поскакал на пушкарей. Батарея только сделала залп, пушкари суетились, заряжая пушки. Всадники Прокопия ворвались на батарею, стали рубить обслугу пушек. Холопы

пробовали отбиваться банниками пушечными, запальными прутами, всем, что оказалось под рукой. На Михаила налетел всадник, саблю занёс. Он успел выхватить пистолет из-за пояса, выстрелил почти в упор, дистанция пару метров. Всадник завалился на правый бок, свалился с лошади. А на Михаила ещё один наскакивает. Пришлось разряженный пистолет бросить, выхватить второй. Всадник успел заметить оружие в руке Михаила в последний момент, а уклониться времени не хватило. Выстрел. Свинцовая пуля крупного калибра развалила голову, как переспелый арбуз. Михаил успел окинуть взором батарею. Дело плохо, всадники добивали последних оставшихся в живых пушкарей. Михаил подобрал оброненный пистолет, кинулся в кусты. Прячась за ними, бросился бежать. Пушкари погибли, пушки захвачены.

Битва при Восьме закончилась поражением Болотникова. Убитыми и пленными Иван Исаевич потерял двадцать тысяч человек. Казаки, что заходили в тыл царскому войску, оказали отчаянное сопротивление. Отстреливались из пистолетов, дрались на саблях. Большей частью были убиты, оставшиеся попали в плен и затем казнены.

Войско Болотникова стало отходить на юг, к Туле. Шуйский отрядил на преследование три полка – Каширский, наименее потрёпанный, Прокопия Ляпунова и Скопина-Шуйского. Уводить всё войско от Москвы в Тулу царь опасался. Многочисленные лазутчики докладывали царю, что в сторону столицы идёт войско Лжедмитрия II. Отступая, войско Болотникова бросило обоз и все пушки.

Царские войска тоже понесли серьёзные потери, им нужно пополнение и отдых. От Стародуба в сторону столицы шла рать Дмитрия, но слишком медленно. Часть мятежников Болотникова, войско которого было разбито при Восьме, примкнуло к Дмитрию II и влилось в состав Тушинского лагеря.

Три полка под общим началом Скопина преследовали отступающее войско мятежников. Чтобы сдержать противника, повстанцы устраивали на проезжих дорогах засеки, обстреливали царских ратников из луков. Рать несла потери, но всё же 30 июня подошла к Туле и осадила.

Михаил пробирался к Туле сам, от бегства армии Болотникова отклонился в сторону, восточнее. И это его спасло, по дорогам разъезды царских войск шастали, его бы сразу сцапали. А ему и защититься нечем. Оба пистолета за поясами, но разряжены. Ещё нож есть, но это не оружие против пики или сабли.

По дороге подворовывал с крестьянских огородов редиску, огурцы, репу, тем и жил два дня. Вошёл в Тулу одновременно с Болотниковым, но его сильно потрёпанное войско с севера города, а он с востока. В городе уже были войска мятежника, несли службу на заставах. Иван Исаевич сразу в Кремле обосновался, за каменными стенами. На стенах и пушки стоят, и огненные припасы есть. Рядом, буквально за стеной, завод Пушечного приказа, где пушки льют. Одной стороной Кремль на реку Упу смотрит, оттуда нападения ждать не приходится. Стены красного кирпича, высокие, метров по двенадцать, а башни так и выше. Не одну осаду Кремль выдержал, от татар жители там укрывались и отбивались удачно. Часть войска в Кремле расположилась, благо – площадь велика. А ещё часть по периметру города расставлена самими воеводами – Шаховским и Телятевским.

Болотников, предвидя осаду и помня, как в Калуге зимой голодно было, распорядился провизию искать по амбарам людей богатых – дворян и купцов. Удача улыбнулась, у боярина тульского Ивана Кравцова в амбарах муки сотни пудов изъяли, да мяса копчёного, да рыбы солёной. Всё выволокли повстанцы, подчистую, обидев тем боярина. Боком вышла мятежникам такая экспроприация, боярин обиду затаил великую, отомстил жестоко. Сначала к Скопину-Шуйскому побежал, указал, как в город войти без боя.

– Голодранцы они, а не войско! – жаловался он. Всех повесить надо, аки воров.

Царские рати в город вошли. Неделю стоят, месяц. Уже не одну попытку штурма Кремля предприняли, да бесполезно, только потери несли. Михаил, как человек, проверенный боями, был назначен воеводой Шаховским главным пушкарём на южной, наиболее атакуемой стене. Во многом неуспехи и потери царского войска с пушками на этой стене связаны. Сам царь с окружением в Тулу приехал. И тут Иван Кравцов снова отличился. Самолично к государю пробился, идею подал, как Кремль взять. Предложение было простое – перегородить реку ниже Кремля по течению. Вода Кремль затопит. Царь обрадовался. И Кремль взять можно, а ежели мятежники при этом потонут, захлебнувшись, так это даже и хорошо. По приказу Василия Шуйского посадские люди под приглядом стрельцов перегородили реку мешками с песком. Чёрные люди поняли сразу, для чего делается эта запруда. Одни рыдали, другие тихо посылали проклятия царю и его войску. Скажи громко, отведаешь плетей, а хуже того – припишут в сообщники мятежников. Река начала разливаться. В первый день мятежники беспокойства не ощутили. Кравцов же проник в Кремль, пугал людей скорой гибелью. В Кремле, кроме войска, были ещё женщины и дети. Михаил, туманно

помня историю, не в деталях, предложил набрать команду охочих людей и плотину взорвать, благо запасы пороха в крепости велики. Секретность сохранять не умели. Сотники сразу к воинам пошли, выкрикать добровольцев на рискованное дело. Мало того, объясняли, что надо будет сделать. Кравцов, вот же иуда, разговоры эти услышал, Кремль покинул и к Скопину. Доложил в точности, как плотину взорвать хотят.

– А пусть попробуют! Стрельцы запруду охраняют, порушить не дадут.

В Ивановской башне Кремля, называемой ещё Тайницкой, был сыздавна прорыт подземный ход к реке. В случае осады через ход тайный можно было выбраться гонцу. Кстати, через ход этот Болотников посылал гонцов к Михаилу Молчанову и Григорию Шаховскому, отряды которых были вблизи города. Вот только ответа или помощи не дождался.

Ночью охочие люди с бочонками пороха попытались пройти к реке через подземный ход. Затея не удалась, ход был затоплен разлившейся водой. Тогда удальцов спустили на верёвках со стены. Они исчезли в ночи, а через время со стороны запруды крики, звон оружия. Всю команду охочих людей стрельцы изрубили.

Царю не терпелось покончить с Болотниковым. Лжедмитрий II уже Северскую землю занял и Брянщину. Шуйский опасался, что Дмитрий на Москву двинется, пользуясь удобным случаем, что главная рать и сам царь не в столице, а в Туле.

А вода разливалась, в Кремле уже по колено. Затопило подвалы. Башни на погребу, где хранился порох. Хуже того, в других подвалах испорчены водой соляные припасы и мука. К угрозе утонуть присоединилась угроза голода. Уже осень, холодно, кругом в крепости вода. Четвёртый месяц осады на исходе. Царь через переговорщиков предложил Болотникову переговоры. Болотников и Телятевский явились в царский шатёр в броне, при оружии. Уговорил хитрый Шуйский сдаться на милость, пообещав крови не пролить. Поверил Болотников. Десятого октября по его приказу были открыты перед царским войском Одоевские ворота Казанской башни. Обманул царь. Князь Телятевский был отпущен, Григорий Шаховской схвачен и отправлен в ссылку. Самого Болотникова заковали в железа, на телеге, в железной клетке отправили под сильным конвоем в Москву, на потеху москвичам. Из Москвы перевезли в Каргополь, где выкололи глаза и утопили. Царь крови не пролил, остальных пленных мятежников повесили.

Михаил развязки дожидаться не стал. Как только среди осаждённых пронёсся слух, что Болотников и Телятевский переговоры с Шуйским ведут, понял – надо уносить ноги из Кремля. Ещё есть шанс спастись. Вопрос – как? У всех ворот Кремля с наружной стороны царские стрельцы. Подземный ход ещё залит водой, хотя запруду частично разобрали, и вода стала уходить с залитых территорий. Оставалось – на верёвке со стены спуститься. Подозвал пушкарей, с которыми за несколько месяцев осады тесно познакомился.

– Болотников на милость царя сдаться хочет. Мыслю – бежать надо. Князей либо дворян Шуйский помиловать может. А чёрный люд повесит. Кто со мной?

Некоторые сразу отошли в сторону. Один в оправдание пробормотал:

– Семья у меня здесь, жена, детки. Как их бросить?

Согласилось пять человек.

– Плавать умеете?

Ещё один ушёл.

– Я на воде держусь, как топор.

Зато другие по смотровым площадкам стен пробежались, нашли крепкие верёвки. По таким ночами спускали и поднимали в Кремль гонцов, лазутчиков. Прошли к Наугольной башне. Угловая, выходила к реке, с северной стороны Кремля. Здесь стрельцов не было, река плескалась прямо у стены.

Один за другим спустились на верёвке. Дождались друг друга, прижавшись к стене. Здесь полоса суши в метр шириной. Михаил спустился первым, всё же он инициатор. Пока спускались другие, осматривался. Полуразобранная плотина видна, на ней стрельцы. Течением реки их как раз туда снести может. Береговая полоса тянулась вдоль стены Кремля и шла дальше, уже вдоль каменной стены пушечного завода. Сейчас завод стоял, работный люд частью разбежался, а кто и к Болотникову примкнул. Похоже, именно этим путём выбирались гонцы. Не перебираться же вплавь с бумагами? Чернила расплывутся, да и бумага расползаться будет. За забором пушечного завода тишина, не стучат молоты, не

гудят плавильные печи. У Михаила мелькнула мысль перелезть через забор, там отсидеться, но оставил её. На заводе охрана, чужаков приметят, стрельцам выдадут. Он остановился, осмотрел парней.

– Ты шапку выбрось стрелецкую, а ты кинжал. Все в воду.

Свои пистолеты Михаил ещё в Кремле оставил. Большие, под полами кафтана их не скроешь, стрельцы по наличию оружия сразу опознают в них бунтовщиков. Особо разбираться не будут, схватят и в поруб бросят. И ещё одно обстоятельство было – выходить из города надо поодиночке. Группа молодых парней – это подозрительно. Видимо, об этом подумали остальные.

– Расходиться нам надо, – нерешительно сказал один.

– Сам так мыслю. По домам пойдёте или за вольную жизнь?

– А что в избе сидеть, на боярина спину гнуть? Пошалим, попьём кровушку у дворян.

– Тогда выходим из города поодиночке. Где встречаемся?

– На Косой горе.

– Это где?

– Да вон она видна, уже за городом.

Михаил присмотрелся. Какая гора? Холм высокий, один склон круче другого, оттого и название.

Глава 3

ШАЙКА

Выбраться из города оказалось сложно. По улицам отряды стрельцов ходят. К прохожим мужеска пола сразу подходят. И к Михаилу подходили.

– Ты кто таков будешь?

– Сын боярский Засекин.

Фамилия на Руси известная, причём Михаил не лгал, это была его настоящая фамилия.

– Кафтан распахни.

Михаил кафтан не застёгивал на пуговицы, полы в стороны руками разводил, показывая, что оружия нет. Отпускали, поскольку вёл себя Михаил независимо, держался с высокомерием. Насмотрелся он на дворян, на их манеру поведения, стрельцы небрежение к себе чувствовали. Холоп себя по-другому ведёт, заискивает, как привык всю жизнь делать. Это уже в крови, не вытравишь. Но выбрался из города. А пушкарям повезло не всем, на Косую гору только трое пришли, да и то к вечеру. Михаил совещание устроил.

– Что делать будем? Кушать надо, спать где-то. Есть два пути, как я думаю. Первый – податься к царевичу Дмитрию, он сейчас на Брянщине, в Москву направляется. А второй – уйти от Москвы и Тулы подальше, богатеньких пощипать, чтобы жизнь мёдом не показалась.

Задумались парни. К войску Дмитрия примкнуть – многие заботы снимутся. О пропитании заботиться не надо, об оружии. Куда царевич прикажет идти, туда пойдут. Михаил знал, куда новый самозванец пойдёт, в Тушино, где большим лагерем встанет. Но и его разобьют, хоть и польская поддержка войсками и деньгами будет.

И у маленькой шайки плюсы и минусы есть. Небольшой группе легче укрытие найти, пропитаться. Но и разбить её проще. Почти у каждого дворянина, не говоря о князе или боярине, своя небольшая личная рать имеется.

Молчание парней затянулось. Михаил уже решил рукой махнуть и жить единолично. Один из парней, Кир Власов, спросил:

– А кто атаманом у нас будет?

– Вам решать.

– Чего тут думать? Если ты, так я согласен.

Остальные согласились, поддержали. Так Михаил атаманом разбойничьей ватажки стал. Он смотрел правде в лицо. Они именно ватажка, шайка разбойничья, и не иначе. Не работать собираются, а грабить богатеев, тем и жить. По Марксу – Энгельсу, экспроприация экспроприаторов. Ну не идти же свергать царя на Москве? У него рать, сила. И сломить её может только другая сила, большим числом. На устои государства Михаил посягать не думал. А парни о таких высоких материях не мыслили. У них думки попроще – поесть досыта, вина хмельного выпить, боярина-злодея и кровопийцу ограбить, наказать. День прожить в сытости и тепле – уже хорошо. О том, что завтра будет, никто не думал. Михаил условие поставил.

– Подчинение полное! Кто не согласен, в ватажке не держу.

Одному всегда плохо. Человек – существо общественное. Соратник рядом поможет, выручит в трудную минуту, поделится последним куском хлеба. То, что парни его атаманом выдвинули, конечно, льстило, но и ответственность большая. Теперь он, а не Болотников или его воеводы должен заботиться о пропитании, ночёвках, оружии да многом ещё. А ещё – куда направиться? На запад, так там очередной Лжедмитрий. В Москву? Упаси бог! Остаются южное и восточное направления. Почему выбрал восточное, сам не понял. Скорее всего, подспудно в голове сидело – неспокойно на юге. Именно там себе Болотников холопов в рать набирал, соблазнял посулами, сейчас там неспокойно. Владимирская или Нижегородская губернии привлекали. И живут зажиточно, одна Желтоводная ярмарка у Нижнего чего стоит, и волнений там не было.

До темноты шли, удаляясь от опасной сейчас Тулы. Местность холмистая, леса полями перемежаются. На ночь в лесу устраивались, не впервой. Михаил по обыкновению устроился под разлапистой елью. Даже в дождь под елью сухо и утром росой не накрывает. Да и мягко на подстилке из опавшей хвои. Парни, уставшие за переход да натерпевшиеся волнений, пока из Кремля и города выбирались, уснули быстро. А Михаилу сон в голову не идёт, мысли одолевают. Правильно ли он сделал, сбив ватажку? Не лишит ли их жизни? А ещё – чем

кормить, где взять оружие? В принципе, на ватажке он не настаивал, это выбор парней. Решив так, почувствовал некоторое облегчение и уснул. Утром проснулся от перестука тележных колёс. Привстал, прислушался. Лошадь одна и телега одна. Растолкал парней.

– Телега! Тихо только. Ты – лошадь под уздцы хватаешь, вы двое на ездового. Не бить, сразу топор отобрать.

Топор – не только плотницкий инструмент. Для крестьянина в поездках и оружие. На своём подворье оружием вилы являются, вне избы – топор. Есть у скульптора Шадра такое произведение «Булыжник – оружие пролетариата». А для крестьянина – топор. В умелых руках оружие грозное и эффективное. Конечно, крестьянина грабить – последнее дело. Что у него взять, кроме испрелой рубахи? Но топор точно пригодится на первое время. Пробежали по лесу немного, ориентируясь на звук. По лесной грунтовке телега, сивая кобыла её тянет, на подводе мужик восседает, и груз лежит, рогожей прикрыт. Кир телегу догнал, в уздцы вцепился, лошадь покорно встала. Мужик возмущённо на облучке вскочил.

– Ты кто такой?

А сбоку уже парни – Аким Текутьев и Афанасий Бочкин.

– Приехал, дядька! Да ты не пужайся, живота не лишим. Что у тебя под рогожей?

Афанасий сразу руку под облучок, топор вытащил, за пояс себе определил. Михаил сзади телеги стоит, наблюдает, как парни действуют, подстраховывает.

– Дык, репу в Тулу везу, барин приказал.

Афанасий рогожу откинул. В самом деле репа, в сыром виде вполне съедобная, не только в пареном.

– Мы возьмём немного, дядька. Ты не обижайся, жрать охота.

Набрать бы репу, да не в чего. Один из парней рубаху снял, туда нагребли. Михаил рукой махнул, все в лес пошли. Ездовой несколько раз обернулся, не веря, что отделался легко. Лошадь тронул. Ватажка в лес отошла, дабы с дороги видно не было, репу разделили на равные кучки, очистили, грызть начали. Репа плотная, сочная, на зубах хрустит, сладкая, с лёгкой горчинкой. С голодухи слаще мёда. В Кремле поголодать пришлось, когда залило и припасы съестные испортились, а вчера весь день не ели. Голод утолили, а главное – топор есть. Михаил рассудил – мужик из деревни или села ехал, значит – им в ту сторону по дороге идти надо. Ездовой про барина говорил, разузнать надо, где изба богатея, и напасть.

Полчаса отдыха парням дал.

– Подкрепились? Теперь поднимайтесь.

Повёл их по дороге. Версты через две небольшое село показалось, видна колокольня церкви.

– Стоп! Всем сесть или лечь. Посмотреть надо, где барская усадьба.

– А зачем садиться? – спросил Афанасий.

– Чтобы тебя меньше видно было. Нахрапом в село идти нельзя, вдруг там стрельцы или дворянин свою малую рать имеет? Попадём, как кур в ощип. Сначала присмотреться надо, а потом действовать быстро и решительно. Ясно? Наблюдаем все.

В селе спокойно, посторонних не видно. Главное – стрельцов нет, их униформа всегда заметна. Кафтаны в зависимости от полков зелёные, синие, красные. А у селян одежда одинаково унылая – серая, чёрная, пачкается меньше. Село небольшое, об одной улице, проглядывается насквозь. И большая изба, с поверхом, в селе одна, явно барина. Только стоит для ватажки неудобно, в центре, недалеко от церкви. Конечно, богатеи на окраине не селятся, их в центр тянет. Вопрос только – добр ли барин, справедлив ли? Если к селянам хорошо относится, вступятся крестьяне за него, как бы и ватажников не побили. А коли злыдень, так и не поможет никто, смело грабить идти можно. Колебался Михаил. Тем временем ворота усадьбы распахнулись, выехал возок – одноколка. Кто не знает – об одной оси. И повернул возок в их сторону.

– Парни – вы двое, по ту сторону дороги! А мы с Афанасием с этой стороны. Действуем, как с нонешним мужиком на подводе. Я сигнал дам кукушкой.

Залегли в кустах. Из села выходит дорога, после села расходится в две стороны. Куда одноколка поедет? На развилке вправо повернула, к ватажке. Возок всё ближе, в нём один человек, явно барин, судя по кафтану. Когда до лошади несколько метров оставалось, Михаил закуковал кукушкой. Кир на дорогу выбежал, лошадь за уздцы схватил. Да и остальные не медлили, бросились к возку. Барин вскочил, парней плёткой стал охаживать, крича при этом:

– Окаянные! Кончилось ваше беспутное время!

Афанасий и Михаил барина за ногу схватили, дёрнули на себя, выволокли упавшего мужчину из возка на землю. Распалённый ударами плети по лицу, Афанасий топор из-за пояса выхватил, над барином занёс.

– Стой! – схватил его за руку Михаил. – Сначала попытаем маленько.

Парни в войске Болотникова уже убивали и перед кровопролитием не остановились бы. Барин испугался. Видно, не добирались до его села взбунтовавшиеся холопы, не видел он бунта. Глаза у барина испуганные сделались, на лбу пот выступил. Осознал, что на волосок от смерти был.

– Не… не… надо пытать.

– Как скажешь. Назовись.

– Дворянин Бобрик, фамилия такая.

– Где оружие дома хранишь, провизию?

Барин молчал.

– Атаман, позволь, я ему руку отрублю или ногу.

Афанасий снова топор занёс.

– Скажу. А вы что же, в избу мою пойдёте?

– Ты как думал? Если соврал, страшная смерть тебя ждёт, на куски тебя порубим, – припугнул Михаил.

Он не был кровожадным и четвертовать барина не собирался. Но парни, как и барин, приняли его слова за чистую монету.

– Не надо, – простонал Бобрик. – Всё отдам!

– Девки-то в доме есть? Уж больно охота телеса потешить, – плотоядно улыбнулся подошедший Кир.

– Дочки у меня, три. Их не трогайте! – взмолился барин.

– Так ты же добровольно выдать ничего не хочешь, плетью вон размахивал. Морду поверни. Видишь – у сотоварища моего на лице след от плети? Думаешь, простит он? Говори, не зли атамана! – взъярился Афанасий.

– Всё отдам, что просите, только дочек не троньте.

– Слово даю, волос с их головы не упадёт, – кивнул Михаил. – Поднимайся.

Барин поднялся, пальцы тряслись, и сам он выглядел мокрой вороной. Михаил в возок поднялся.

– Что же ты, барин, медлишь? И ты рядышком садись. Езжай медленно, чтобы парни мои не отстали.

Барин за вожжи взялся, лошадь развернул. Ехали к селу и по селу медленно. Встречные селяне шапки перед барином ломали, кланялись. Барин же пошевелиться боится, ответить. Подъехали к воротам, слуга створки распахнул, возок въехал, за ним во двор парни вошли. Слуга прикрикнул:

– Вы кто такие?

– Лукьян, не шуми, – повелел барин.

– Веди в избу, но помни. Ведёшь себя послушно, никого не тронем пальцем. Вздумаешь сопротивляться или слугам прикажешь, никого не пощадим. Нам терять нечего.

Бобрик закивал головой. Сошёл с возка, пошёл в избу. За ним гурьбой ватажники. Сени прошли, барин в трапезную дверь открыл, а за ней супружница его, думала – с гостями хозяин. А получилось – с непрошеными. Барин себя в руки взял:

– Марья, бери дочек и в спальню и носа не кажи.

Вот что хорошо у женщин в те времена было, так это полное и беспрекословное подчинение мужчине. Ушла супружница.

– Сначала оружейную открывай, да поторапливайся, – предупредил Михаил.

Хозяин в сени вышел, за ним парни. Бобрик с деревянного гвоздя связку ключей снял, в дальнем углу навесной замок открыл, довольно увесистый. Сам дверь распахнул и войти хотел, да Михаил придержал.

– Здесь постой. Кир, пригляди за хозяином.

Михаил внутрь вошел. Небольшая комнатка без окон. На полках оружие разложено. Всё смазанное, жирным блеском отливает. Две сабли в ножнах, рогатина в углу стоит, нож боевой с локоть длиной. А ещё пара пистолетов, бочонок с порохом, мешочек с пулями свинцовыми.

– Афанасий, Аким, берите сабли, сразу на пояса. За барином смотрите. Кир, тебе нож, всё лучше топора.

Себе Михаил забрал оба пистолета, мешочек с пулями.

– Барин, давай ещё мешочек, пороха отсыпать.

Можно и бочонок забрать, без пистолетов порох барину не нужен. Но бочонок тяжёл, дубовый, да и как носить его? Неудобно. Барин льняной мешочек принёс. Михаил отсыпал изрядно, горловину завязал. В голову мысль пришла:

– У тебя ткани есть ли?

– Как в избе без ткани? Есть, вестимо.

– Давай посмотрим.

Барин думал – с собой ткани заберут. Нашлось три небольших рулона – парча, тонкий белёный лён и шёлк чёрный.

– Кир, отхвати кусок в аршин длиной и забери.

– Весь рулон?

– Аршин. Нам всё не надо.

Кир кусок ножом отхватил, да с запасом.

– При себе держи.

Кир за пазуху затолкал.

– Хозяин, накрывай на стол, проголодались мы. Да без подвоха. Как обещали, поедим и уйдём.

Бобрик засуетился. Раньше прислуга накрывала, а теперь самому пришлось. Славный обед получался. Хлеба вволю, каша гречневая с убоиной да рыба копчёная. Хозяин ещё вина кувшин выставил, но Михаил парням кулак показал, и к вину не притронулся никто. И не потому, что Михаил трезвенник, а в чужом доме они. Здесь осторожность соблюдать надо. Хозяин-то себя в руки взял, небось, планы строит, как грабителей захватить. Во дворе слуги есть, Михаил их видел. Даст команду – накинутся скопом и с вилами, ещё неизвестно, кто победителем будет. Не зря говорят – дома и стены помогают. Наелись от пуза, из-за стола встали.

– Хозяин, хлебушка-то на дорожку заверни в тряпицу и до ворот проводи.

Хлеб Аким забрал. Из дома во двор вышли. Слуги у амбара собрались, но барин молчит. А куда ему деваться, если Кир у левого бока хозяина нож держит? Так и вышли на улицу. Афанасий спросил:

– А почему не на возке?

– Там двое с трудом умещаются, – ответил Михаил.

– Тогда постромки обрезать надо было. Мы уйдём, а он в уездную управу помчится с челобитной, обидели, дескать.

– А и пусть едет. У него дорога одна, а у нас сто.

Михаил по солнцу определился с направлением, зашагал по дороге. Парни за ним, переговариваются между собой. Михаил на северо-восток путь держал, к Венёву. Доберутся за пару дней. А в целом хотел подальше от Москвы, в Великий Устюг или Нижний Новгород. Это уже как получится. И мордву беспокойную обойти надо, земли их совсем рядом. По всей Руси восстания полыхали, на юге был Лжедмитрий I, потом Болотников, Лжедмитрий II, на юго-востоке мордва, больше из-за веры, не хотели уходить от традиционного язычества в христианство, на востоке – татары и башкиры. А с запада поляки. Ляхи всегда жадно смотрели на восток. Сначала Украину под себя подмяли, часть русских земель. И претензии на русский трон имеют, ничем не обоснованные. Немного позже подавления восстания Болотникова свои войска введут, Москву оккупируют, Кремль разграбят.

Михаил вкратце, без деталей, историю знал, учили в школе. Потом учёба в техникуме в Санкт-Петербурге. Город исторический, хочешь – не хочешь, историю знать будешь, коли каждый день проходишь мимо Зимнего дворца или по Аничкову мосту с его конями. Но одно дело – слушать, читать, а другое – участвовать самому. В реальности – кроваво, неорганизованно, даже бестолково. А прикинул – это же сколько жизней бунты и волнения унесли? Половина страны в разрухе, мужики дерутся, а на полях лебеда растёт да крапива. Стал сомневаться – нужны ли бунты стране? Но о том перед ватажниками молчал. Самому надо осмыслить, переварить, выводы сделать. Вот в селе, где они были и

барина слегка пощипали, какой-никакой, а порядок есть. Поля ухожены, мужики трудятся. Выходит – где бунта нет, есть порядок, и куда бунтовщики с их крамольными речами не добрались, нет разрухи. А на тысячах таких деревень страна стоит. К тому же все Дмитрии фальшивые, это факт. И получается – царевичи, знамя восстания – ложные.

К Венёву подошли через два дня, но в город не заходили. Даже если там нет царских войск, есть личные дружины дворян. Силами с ними тягаться не получится, это изначально понятно. Потому город обошли стороной, буквально по окраинам.

Города – это ориентиры на местности, поскольку карт топографических не было, а существовали в единичных экземплярах, рисованные от руки, с искажениями, да и то были у царя и воевод. Современный человек карты имеет точные, GPS-навигаторы, проще ориентироваться.

Ватажка где воровала овощи с огородов, а где и грабила. В деревнях и сёлах брали только еду, у селян денег и ценностей нет, в лучшем случае обручальное колечко медное, ценности не представляющее. После Венёва, вёрст через тридцать, ограбили дворянина. Понаблюдали за селом, ближе к вечеру через забор перелезли. Хозяин или прислуга двери запереть не успели, в избу всей ватажкой ввалились. Оружие забрали, харчи, а ещё деньги. Перед тем как грабить, Михаил белый шёлк на широкие полосы порезал ножом, приказал повязки на лица надеть.

– Это зачем? – удивились парни. Раньше так не делали.

– Чтобы лица скрыть, опознать не смогут. А ещё – устрашить.

Объяснение парней устроило, повязки надели. Не применяли повязки на Руси, а в Европе использовали. Европейские страны невелики, и по описанию найти проще и быстрее. Но Михаил вперёд смотрел. Рано или поздно государство верх возьмёт. Губные старосты на местах начнут бунтовщиков по весям и городам искать. Государева машина действует медленно, со скрипом, но неотвратимо, и Михаил хотел уберечь парней и себя от неприятностей.

Повязки белые хозяина и домочадцев испугали. На Руси белый цвет траурным был, покойников в белый саван одевали, когда возможность была. Чёрный цвет

как траурный позже появился. Барин всё безропотно отдал, трусоватым оказался. Да и как не отдать, если грабителей четверо да при оружии. У барина слабое место – семья. Начни он сопротивляться, семья пострадает. Деньги, рубли серебряные в мешочке отдал. Михаил заподозрил, что деньги непоследние, но обыскивать потаённые уголки в большой избе или хозяина пытать не стал. Перед уходом поели, домочадцы к ужину готовились, стол накрыт был, да не успели. Вкусно, сытно, парни довольные ушли. Михаил задумал белые повязки как фирменный знак задействовать. Дворяне общаются меж собой на дворянских собраниях, посещают соседей-дворян. Слухи быстро расходятся. Если жестокости не проявлять, держать данное слово, не убивать и не пытать, так и сопротивляться не будут. Когда до оружия доходит, потери бывают с обеих сторон, а рисковать парнями не хотелось. Конечно, представления о благородных разбойниках наивны, но и люди в те времена другие были, сейчас бы сказали – простодушные. Время было жестокое, но милосердие было в цене. После того как Шуйский, дав царское слово Болотникову, нарушил его, даже дворяне восприняли это негативно. Царь – и нарушение прилюдно данного слова. Не должно так быть, царь – пример для подданных, коли он помазанник божий.

Деньги, мешочек серебра, Михаил решил приберечь до тяжёлых дней. Жизнь ватажки неустроенная, как завтра будет или через месяц, неизвестно. Вот тогда деньги пригодиться могут, а пока они неприкосновенный запас, их подушка безопасности, спасательный круг.

Парням про деньги объяснил, вроде поняли, согласились. Михаил ещё подспудную мыслишку имел, причём она родилась, когда он ощутил вес мешочка с деньгами. Забраться в глубинку, купить парням землю, если захотят хлебопашествовать. Всё же не на хозяина работать будут, продавая свой труд за копейки, а на себя. Вырастил урожай и продал. Но в первую же ночёвку столкнулся с подлостью. Уже под утро какое-то движение услышал. Приоткрыл глаза – Аким. Мало ли, по нужде отошёл. И в сон снова провалился. Только смежил веки, придремал, Кир за руку трясёт.

– Атаман, проснись. Беда у нас!

– Что случилось?

Куда и сон делся, присел на земле.

– Аким пропал, давно уже.

Михаил вскочил. Не к губному ли старосте Аким пошёл, товарищей сдать и прощение заработать? Глазами место ночёвки обвёл. А мешочка с деньгами нет. Михаил его не прятал, но ещё вечером деньги рядом лежали. Затмил Акиму блеск и звон серебра разум.

– Деньги пропали, – сказал Михаил.

– И узелок с хлебом и салом, – упавшим голосом добавил Афанасий. – У своих же украл!

Оба парня возмущались бесчестным поступком Акима. Потом Афанасий предложил:

– Атаман, мы догоним, деньги отберём.

– Пустое. Много времени потеряно. Да и откуда ты знаешь, в какую сторону он пошёл?

– Проще пареной репы. На траве роса, вон следы видны.

– Тогда чего стоите? Я здесь ждать буду.

Михаил в поимку Акима не верил, у беглеца и вора фора по времени час. Но парни с места сорвались и побежали, как гончие по следу. Михаил растянулся на опавшей хвое. М-да! Потеряли люди устои. Конечно, пребывание в войске Болотникова никого не сделало лучше, благороднее, напротив, пробудило самые низменные инстинкты – грабить, мародёрствовать, насиловать, убивать. До появления Лжедмитрия I, затем Второго ситуация была иной. В бога верили, чтили заповеди, в конце концов, боялись законов, губного старосты. Сейчас все устои отброшены, люди чувствуют – всё дозволено и никакого наказания не будет. Иллюзия! Пока парней не было, Михаил стал размышлять, как построить будущую жизнь. Бродить по лесам, воровать с огородов или грабить богатеев – не по душе. В один несчастливый день их прибьют, как бешеных псов. А кроме того, не за горами осень, слякоть и грязь, за ней зима. Надо заранее искать укрытие – избу. А ещё пропитание. Вопросов много, ответа пока нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/korchevskiy_yuriy/buntar-za-vol-nuyu-volyu

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити